

74.03(2)
II₂₈

399

37(09)

П 28

24.03(3)

371
Н.28

Михаилъ П 28

ГЕНРИХЪ ПЕСТАЛОЦЦИ,

37(09)

2

ЗНАМЕНИТЫЙ

ЗНАМЕНИТЫЙ

ШВЕЙЦАРСКІЙ ПЕДАГОГЪ.

БІОГРАФІЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ,

СОСТАВЛЕНІЙ ~~ИСПЕЧЕНІЙ~~ ИЗЪ ЯВНЕЦІХЪ ИСТОЧНИКОВЪ

КОНСТАНТИНОМЪ ТИМОФЕЕВЫМЪ.

ПЕР	ЕД	5
		5

1332

б. 15

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ИЗДАНІЕ КНИГОПРОДАВЦА Д. О. ФЕДОРОВА.

ПЕРЕВІРЕ!

1877.

20

ГЕНРИХЪ ШЕСТАЛОЦЦИ,

ЗНАМЕНITЫЙ

ШВЕЙЦАРСКІЙ ПЕДАГОГЪ.

— — — — —

БІОГРАФІЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ,

СОСТАВЛЕНІЙ И ПЕРЕВЕДЕННЫЙ ИЗЪ НАМЕЦКИХЪ ИСТОЧНИКОВЪ

КОНСТАНТИНОМЪ ТИМОФЕЕВЫМЪ.

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ИЗДАНІЕ КНИГОПРОДАВЦА Д. О. ФЕДОРОВА.

1872.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ. 10 Января 1877 года.

ВЪ ТИПОГРАФИИ В. ВЕЗОВРАЗОВА И КОМП.
(Вас. Остр., 8 линія, № 45).

ГЕНРИХЪ ПЕСТАЛОЦЦИ.

I.

Юность Песталоцци *).

1745 — 1767.

Первоначальные годы жизни, первыя движенія души, едва замѣтныя даже для опытнаго и прозорливаго воспитателя, имѣютъ рѣшительное вліяніе на всю будущность человѣка. Но кто же можетъ

---

*.) Источниками при составленіи этого біографического очерка служили слѣдующія сочиненія:

1) Генриха Песталоцци: а) Лебединая пѣснь (*Schwanengesang!*.
1826, Штутгартъ.

б) Судьбы моей жизни (*Meine Lebens-schicksale*).

2) Карла Раумера — Исторія педагогіи, 2-я часть, стр. 287 — 291. 1817, Штутгартъ.

3) Карла Блохмана — Черты жизни и дѣятельности Г. Песталоцци. 1846, Лейпцигъ.

4) Рамзауера — Краткій очеркъ моей педагогической жизни. 1858, Ольденбургъ.

указать, какія впечатлѣнія впервые послужили пишющю для пробудившейся духовной жизни? Кто можетъ опредѣлить, какимъ образомъ эта первая свободно-воспринятая пища пробудила въ душѣ постоянное стремленіе воспринимать изъ явленій окружающей дѣйствительности то, что однородно съ тѣми первыми впечатлѣніями дѣтства, и какъ вслѣдствіе того постепенно и естественно слагалась и очерчивалась личность человѣка?

Впослѣдствіи, когда личность вполнѣ опредѣлилась, высказалась въ разнообразныхъ явленіяхъ внешней и внутренней жизни, бываетъ нерѣдко возможно, обратнымъ рядомъ воспоминаній, дойти и до первыхъ впечатлѣній дѣтства и указать, какія изъ нихъ болѣе всего содѣйствовали образованію въ человѣкѣ той или другой наклонности, той или другой черты характера. Такъ мы знаемъ о Гайденѣ, что первыя и самыя сильныя впечатлѣнія на его дѣтскую душу производили пѣсни его матери, обладавшей пѣжнымъ, очаровательнымъ голосомъ, и что эти пѣсни возбудили въ немъ, едва лепечущемъ ребенкѣ, ту любовь къ звукамъ, которая сдѣлалась и основою и опорою его геніального творчества въ области звуковъ.

Рассказываютъ, что отецъ Липпеня каждый день въ теченіе двухъ лѣтъ осыпалъ его колыбель цвѣтами.

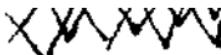
Мать знаменитаго полководца Евгения рассказывала своему двухлѣтнему хворому сыну о подвигахъ великихъ полководцевъ, и эта ранняя духовная пища сообщила необыкновенную силу даже слабому тѣлесному его организму. Конечно, весьма ошибся бы тотъ, кто подумалъ бы, что можно предварительно направлять духовныя силы человѣка въ ту или другую сторону и всегда съ непремѣннымъ успѣхомъ: потому что на всѣхъ путахъ жизни нась направляетъ Тотъ, Кто одиць можетъ даже самыя нogrѣшности, ошибки въ человѣческомъ воспитаніи направлять ко благу, для нась неисповѣдимому.

Въ первоначальныхъ годахъ жизни Генриха Песталоцци мы можемъ съ достаточнou ясностю указать, какія впечатлѣнія и чувствованія наложили печать свою на его характеръ, развиивъ въ немъ свѣтлыя и темныя его стороны, и какимъ образомъ еще въ дѣтствѣ его обозначились цѣль и пріемы его будущей дѣятельности.

Генрихъ Песталоцци родился 12 Января 1745 г. въ Цюрихѣ. Онъ происходилъ изъ старинной дворянской фамиліи, переселившейся задолго передъ тѣмъ изъ Италіянской Швейцаріи въ Цюрихъ. Его родители, при ограниченномъ своемъ состояніи, жили тихою семейною жизнью, какою отличались всѣ честные старинныя Швейцарскія семейства. Отецъ его былъ глазной врачъ, а мать, урожденная Гольце,

была родная сестра Австрійского генерала Гольтце, убитаго въ 1799 г. при Шеннисѣ. У Генриха Песталоцци былъ еще братъ, который умеръ въ молодости, и сестра, вышедшая въ посльствіи замужъ за Лейпцигскаго купца Гросса.

Песталоцци былъ нѣжный и хворый ребеночъ, но рано сталъ отличаться необыкновенною живостію въ развитіи иѣкоторыхъ отдѣльныхъ силъ и на-
клонностей. Что дѣйствовало на его чувствительность, къ тому быстро и горячо онъ привязывался, и та-
кие предметы обыкновенно навсегда врѣзывались въ
его память. Вотъ что онъ самъ разсказываетъ о
своемъ дѣтствѣ въ своей *Лебединой пѣсни*: «Все,
къ чему стремилось мое сердце, значительно ослаб-
ляло во мнѣ впечатлѣніе такихъ предметовъ, ко-
торые должны были просвѣщать мой умъ и возбуж-
дать въ немъ дѣятельность. Воображеніе сдѣлалось
вскорѣ преобладающею во мнѣ силою, и оно-то мѣша-
ло мнѣ приобрѣтать необходимыя познанія о такихъ
предметахъ, которые не производили впечатлѣнія на
мое сердце. Отъ того-то во мнѣ съ раннихъ поръ
проявлялся недостатокъ разсудительности, осторож-
ности, осмотрительности, который оказывалъ посто-
янно вредное вліяніе на мою практическую жизнь.
Сколько неудачь бывало отъ того и въ дѣтскихъ
моихъ предпріятіяхъ! Даже въ мелочахъ я столько
разъ въ моемъ дѣтствѣ попадалъ въ бѣду, сколько

разъ ни одинъ ребенокъ не стукался головою обь стѣну. Но мнѣ все это было нищемъ. При такой моей неосмотрительности, я быль до того легкомысленъ, что неудачи, болѣзненно дѣйствующія на сердца другихъ дѣтей, для меня ровно ничего не значили; что прошло, то для меня всегда какъ будто и не существовало, какъ бы я въ началь сильнѣ ни домогался того или другаго. Эти особенности моего характера укоренялись во мнѣ все болѣе и болѣе, потому что воспитаніе мое давало мнѣ безпрерывно пищу, и опѣ-то имѣли весьма вредное вліяніе на всю мою жизнь. Я лишился отца, будучи 6 лѣтъ отъ роду, и съ этихъ поръ мнѣ не доставало во всемъ меня окружавшемъ того мужественнаго, возбуждающаго начала, которое такъ необходимо для мальчика въ этомъ возрастѣ. Меня воспитывала добрая и нѣжная мать, и я росъ совершенно какъ маменькинъ сынокъ: годъ - за - годомъ, какъ говорятъ у насть, не выходилъ изъ - за печки. Короче, мнѣ не доставало именно тѣхъ существенныхъ средствъ и возбужденій къ развитію мужественныхъ силъ, мужественной опытности, мужественного взгляда на вещи, которыхъ таѣ нужны для каждого мальчика, и которыхъ въ особенности были нужны для меня. Съ другой стороны, съ утра и до вечера я быль окружень тѣмъ, что въ высшей степени привлекало и оживляло мое сердце.

Моя мать съ полнымъ самоотверженіемъ жертвовала всѣмъ для воспитанія насы троихъ; отказывала себѣ во всѣхъ удовольствіяхъ, даже во многомъ необходимомъ, и въ этомъ высокомъ самопожертвованіи ее поддерживала такая личность, которая для меня вовѣки незабвѣна. Незадолго до смерти моего отца къ намъ поступила въ услуженіе простая деревенская дѣвушка. Ея вѣрность, привязанность къ нашему семейству и рѣдкая сила характера до такой степени поразили моего отца, что онъ, умирал, среди заботъ о будущности своего семейства, подозвалъ ее къ своей постели и сказалъ ей: «Бабели, ради Бога, не оставляй моей жены; когда я умру, она погибнетъ, и мои дѣти попадутъ въ жесткія, чужія руки. Безъ твоей помощи жена моя не въ состояніи будетъ воспитать дѣтей моихъ въ своемъ домѣ.» Благородная и, въ простотѣ своей, великодушная до высокаго, Бабели отвѣчала моему отцу: «Когда вы умрете, я не оставлю вашей супруги. Я останусь при ней до самой моей смерти.» Она сдержала свое обѣщаніе. Она помогала моей матери воспитывать троихъ бѣдныхъ сиротъ, среди всякихъ нуждъ и невзгодъ житейскихъ, и притомъ съ такимъ постоянствомъ, съ такимъ самопожертвованіемъ и съ такимъ умѣньемъ, что даже трудно было и ожидать этого отъ дѣвушки, не получившей никакого обра-

зованія и только что прибывшій изъ деревни. Всѣ эти особенности ея характера и поступковъ были плодомъ ея простой и благочестивой вѣры. Какъ ни трудно бывало исполнять ей съ добросовѣстностю свое обѣщаніе, ей никогда не приходило на мысль, что она можетъ перестать исполнять его. Положеніе моей матери требовало чрезвычайной бережливости; но усиія, которыя для этой цѣли употребляла наша служанка, почти невѣроятны. Чтобы купить корзинку овощей нѣсколькими крейцерами дешевле, она три - четыре раза уходила на торговую площадь подстерегать минуту, когда какойнибудь крестьянинъ согласится продать подешевле остатки своего товара, дабы скорѣй вернуться домой въ деревню. Какъ часто, бывало, когда мы, дѣти, просимся побѣгать по улицѣ, или сходить туда, куданѣть никакой надобности для насъ идти, она останавливалась словами: «Къ чemu вамъ понапрасну портить свое платье и обувь? Развѣ вы не видите, что ваша матушка и безъ того во всемъ себѣ отказываетъ для вашего воспитанія, сама по цѣлымъ мѣсяцамъ никуда не выходить и бережетъ каждый крейцеръ на ваши нужды.» О себѣ и о своемъ самоотверженіи въ пользу нашего хозяйства эта благородная женщина не говорила ни слова.

Неоспоримо, какое рѣшительное вліяніе на Песталоцци имѣли эти первоначальная впечатлѣнія

его молодости, и въ особенности этотъ свѣтлый образецъ любви и вѣрности въ лицѣ простой крестьянки безъ всякаго образованія. Это вліаніе отразилось въ томъ самопожертвованіи, съ которымъ Песталоцци всю жизнь свою стремился быть полезнымъ человѣчеству, и въ томъ коренномъ и плодотворномъ для его дѣятельности убѣжденіи, что каждый человѣкъ, какъ бы онъ ни былъ бѣденъ дарованиями и скученъ образованіемъ, обладаетъ непредолимою силою, неоцѣненными сокровищами, если только онъ успѣль стяжать ту благую житейскую мудрость, которой источникомъ служить тихая и благочестивая семейная жизнь.

На разстояніи часового пути отъ Цюриха, на холмѣ, усаженномъ виноградниками, надъ озеромъ, раскинута деревня Гевгъ, въ которой жилъ дѣдъ Песталоцци, отецъ его матери, насторъ, истинный благодѣтель своей наставы. У него-то, съ 9-лѣтняго своего возраста, Песталоцци проводилъ ежегодно по вѣскому мѣсяцу, и это время особенно плодотворно дѣйствовало на его воспріимчивую душу. Личность этого честнаго старца, блестителя нравственности поселенъ и руководителя сельской школы, врѣзилась неизгладимыми чертами въ памяти мальчика. Наставъ, въ сопровождѣніи своего внука, почти ежедневно посещалъ школу и семейства поселенъ; вель подробную опись состоянія и быта каждой

семьи, и не только съ отеческою заботливостю, но и съ большимъ знаніемъ дѣла стремился удовлетворять всѣмъ хозяйственнымъ, нравственнымъ и религіознымъ потребностямъ членовъ своей пасты. Когда въ послѣдствіи Песталоцци часто высказывалъ свою любимую и справедливую мысль, что истинно-христіанское воспитаніе состоить въ томъ, чтобы питомецъ непрестанно слышалъ и видѣлъ передъ собою *истиннаю христіанину*, то, безъ сомнѣнія, въ эти минуты въ его памяти возникалъ незабвенный образъ благочестиваго дѣда. Но и во многихъ другихъ отношеніяхъ, пребываніе Песталоцци въ Гёнгѣ было благотворно для его будущности: онъ знакомился съ бытомъ и нуждами поселенія этого богатаго промышленного края. Въ Гёнгѣ было вообще много остатковъ стариннаго лучшаго времени. Поселяне были народъ честный, здравомыслящій, дѣятельный, живо-преданный всему справедливому и благому: но 'вмѣстѣ съ тѣмъ этому народу приходилось спосѣть много несправедливыхъ притѣсненій со стороны городскихъ богачей, имѣвшихъ рѣшительное денежнѣе вліяніе на фабричную промышленность того края.

Какъ въ старину изъ города разливалась живительная сила и образованіе на сельскія общины, такъ теперь оттуда проис текало ослабленіе и порча нравовъ, и потому всѣ благомыслящіе настыры окрест-

ныхъ сель единодушно повторяли свои жалобы: *omne malum ex urbe.*

Песталоцци съ раннихъ лѣтъ былъ свидѣтелемъ того пагубнаго вліянія, какое производить фабричная жизнь на сельское юношество. Видя дѣтей веселыхъ, цвѣтушихъ здоровьемъ, довѣрчиво и смѣло глядящихъ на все ихъ окружающее, и потомъ, года черезъ два, видя тѣхъ же самыхъ дѣтей, уже побывавшихъ на фабрикѣ и утратившихъ здоровье, веселость и даже чистоту нравовъ,— онъ не могъ не скрупульно о губительныхъ слѣдствіяхъ этой бумаго-прядильной язвы, истощавшей лучшія силы края.

Все видѣнное и испытанное имъ въ эти лѣта глубоко запало въ его душу, нѣжную отъ природы и способную скорбѣть о чужомъ горѣ, какъ о своемъ собственномъ. Однажды полюбивъ народъ, онъ всю жизнь пыталъ рвеніемъ облегчить его нужды и защитить его отъ несправедливыхъ притѣсненій.

Возвращаась отъ своего дѣда въ городъ, Песталоцци знакомился съ дѣйствительностію только въ тѣсномъ кругу своего домашняго быта, и въ столь же тѣсномъ кругу быта школьнаго. Дѣйствительная жизнь, пишетъ онъ въ своихъ воспоминаніяхъ *), была для меня столь же чужда, какъ

---

*) Лебединая мѣсяць, стр. 242 и далѣе.

если бы я вовсе не жилъ среди людей. Всѣхъ людей я считалъ такими же добродушными и довѣрчивыми, какимъ я былъ самъ. Вотъ почему въ молодости я постоянно былъ жертвою того, кто хотѣлъ пользоваться моей слабостію. Не въ моей природѣ было — подозрѣвать въ комъ-нибудь дуряное намѣреніе до тѣхъ-поръ, пока я не убѣжался въ томъ личнымъ вредомъ своимъ, и, будучи чрезмѣрио довѣрчивъ къ другимъ, я былъ также выше всякой мѣры довѣрчивъ къ самому себѣ: я считалъ себя иногда весьма способнымъ къ тому, къ чему я вовсе не имѣлъ дарованій. Отъ того и происходило, что я даже въ дѣтскихъ играхъ былъ самый неловкій изъ всѣхъ моихъ товарищѣй, а между тѣмъ всегда хотѣлъ играть въ нихъ главную роль. Это подавало поводъ къ частымъ насмѣшкамъ надо мною товарищѣй, и одинъ изъ нихъ составилъ для меня прозвище: «Heiri wunderli von Thorliken» *). Впрочемъ, большая часть товарищѣй любила меня за добродушіе и услужливость.»

Съ раннихъ поръ развилась въ Песталоцци нѣкоторая односторонность, неловкость и беззаботность въ всемъ томъ, что не соотвѣтствовало наклонностямъ его сердца. Въ школѣ онъ занимался съ особеною любовью нѣкоторыми предметами; дру-

---

*) Heinrich wunderlich von Thorlingen.

Гіе же, хотя онъ и понималъ ихъ весьма живо и правильно, оставлялъ безъ вниманія. всякая внѣшность, формальность въ наукѣ отталкивала его; только сущность предмета была для него занимательна. Случалось, что въ нѣкоторыхъ частяхъ какой либо науки онъ далеко превосходилъ своихъ товарищѣ; за то въ другихъ частяхъ той же науки бывалъ позади всѣхъ. Вотъ почему нѣкоторые изъ его учителей, видя его неловкость и неспособность овладѣть формою предмета, полагали, что изъ него не выйдетъ ничего дѣльного; дѣйствительно, въ каллиграфії и въ ореографії онъ навсегда остался неискусенъ. Въ тѣхъ частяхъ наукъ, где надлежало обнаружить силу ума и соображенія, онъ поражалъ преподавателей быстротою пониманія и наглядностью изложенія мыслей. Какъ-то одинъ изъ его учителей, знатокъ греческаго языка, но не обладавшій даромъ изложенія мыслей, издалъ свой переводъ Демосѳеновыхъ рѣчей. Песталоцци, тогда еще мало знавшій по-гречески, вздумалъ перевести тѣ же самыя рѣчи. Переводъ свой онъ представилъ на экзаменъ, и онъ оказался, по общему приговору наставниковъ, живѣе, краснорѣчивѣе учительскаго перевода, и былъ удостоенъ напечатанія въ одномъ изъ современныхъ журналовъ. При изученіи предметовъ Песталоцци всегда болѣе заботился о живомъ пониманіи ихъ, нежели о практической сторонѣ и примѣненіи изу-

ченного къ дѣлу. Въ послѣдствіи онъ часто со-
жалѣлъ о томъ, что его учителя недостаточно
противодѣйствовали развитію этой односторонности
взгляда на вещи, и что вообще весь ходъ тогда-
шняго школьнаго ученія въ Цюрихѣ внушалъ
молодымъ людямъ излишнюю мечтательность, само-
увѣренность.

А между тѣмъ нельзѧ сознаться, что юность
Песталоцци протекла въ такое время, когда Цю-
рихская гимназія процвѣтала подъ руководствомъ
замѣчательныхъ дѣятелей, каковы были напримѣръ
Годмеръ и *Брайтингеръ*. Первый былъ профессоромъ
исторіи и известенъ своимъ литературнымъ споромъ
съ Готшедомъ и Лессингомъ, а также своимъ изда-
ніемъ пѣсень Миннезенгеровъ; второй преподавалъ
Еврейскій и Греческій языки. Вотъ что Песта-
лоцци говорить о нравственномъ направлениі препо-
даванія въ его время.

«Самостоятельность, благотворительность, само-
пожертвованіе, любовь къ отечеству были лозунгомъ
нашего общественнаго воспитанія. Но средство для
достиженія всего этого, то нравственное превос-
ходство, которое должно опираться на развитыя
практическій силы, — было оставлено безъ доста-
точнаго вниманія. Намъ внушали слишкомъ мечта-
тельное стремленіе искать самостоятельности въ
голословномъ признаніи истины и справедливости,

не указывая въ то же время на средства утвердить эту самостоятельность въ семейственныхъ и гражданскихъ отношеніяхъ. Въ преподаваніи намъ внушали, весьма живо, изобразительно презрѣніе къ роскоши, къ богатствамъ, къ внѣшнимъ отличіямъ. Намъ говорили, что истинное гражданское благо-состояніе основано на бережливости, на самообла-даніи, и мы съ излишнею мечтательностью вообра-жали, что можемъ упрочить за собою это благо-состояніе, даже не пріобрѣтъ достаточныхъ силъ и средствъ для жизни. Наша мечтательность доходила до того, что мы, еще на школьной скамьѣ, считали себя способными примѣнить къ общественной жизни какого-нибудь скромнаго кантона Швей-царіи всѣ великія гражданскія добродѣтели Греціи и Рима» *).

Появленіе Руссо, разсказываетъ далѣе Песта-лоцци, еще болѣе усилило ложныя понятія, внушен-ныя швейцарскому юношеству благороднымъ, па-триотическимъ, но, къ сожалѣнію, непримѣнимымъ къ жизни направленіемъ воспитателей. Отъ того произтекли односторонность, запутанность понятій, необдуманность поступковъ. Все это вмѣстѣ со-общало настроенію духа ту пустую раздражитель-ность, которая въ практической жизни, разрушая

---

*.) Лебединая пѣснь, стр. 250 251.

вмѣстѣ съ дурными и хорошія стороны прежняго, уже упроченнаго порядка вещей, не въ состояніи замѣнить ихъ новымъ, лучшимъ и прочнымъ.

На Песталоцци книга Руссо, по собственному его признанію, имѣла сильное влияніе. «Когда явился Эмиль, говорить онъ; моя въ высшей степени не практическая мечтательность почерпнула новые силы въ этой необыкновенно непрактически мечтательной книжѣ. Я сравнивалъ воспитаніе, полученное мною дома и въ школѣ, съ тѣмъ, которое Руссо предполагалъ нужнымъ дать своему Эмилю. Мне казалось, что единственный выводъ изъ педагогическихъ заблужденій, въ которыхъ пребывали всѣ ваши со словія, было примѣненіе къ воспитанію юношества идей Руссо».

Между тѣмъ Песталоцци продолжалъ съ большими рвениемъ и успѣхомъ изучать древнюю литературу, и читалъ все лучшее, явившееся въ литературѣ новѣйшей. Между прочимъ онъ былъ ревностнымъ послѣдователемъ Вольфовой философіи, что доказывается *), и по содержанію, и по изложению своему, написанное имъ тогда разсужденіе о Спартанскомъ законодательствѣ.

До сихъ-поръ Песталоцци, вслѣдствіе глубокаго впечатлѣнія, произведенаго на него еще въ дѣт-

*) Лебединая пѣснь, стр. 253.

ствъ многоуважаемою личностью его дѣда, пастора въ Гёнгѣ, готовилъ себя къ духовному званію. На 19 году, поступивъ въ Collegium humanitatis онъ принялъ за изученіе законовѣдѣнія. Этой перемѣнѣ направлениія немало содѣйствовало, вѣроятно, и то, что первая попытка его сказать проповѣдь въ сельской церкви не удалась ему.

Около того времени онъ вступилъ въ сношенія съ Лафатеромъ, Фюсли и Фишеромъ. Они рѣшились увѣдомить начальство о разныхъ безпорядкахъ, существовавшихъ въ общественномъ быту ихъ родины, особенно въ школахъ. Первый къ тому вызвался Песталоцци, сдѣлавъ невыгодное описание одного изъ учебныхъ заведеній.

Посланная отъ правительства комиссія нашла его показанія вполнѣ справедливыми. Отъ него требовали только, чтобы онъ назвалъ мальчика, который сообщалъ ему все тѣ свѣдѣнія. Песталоцци отказался, и когда ему угрожали преслѣдованіемъ, то онъ уѣжалъ въ деревню къ дѣду. Здѣсь онъ былъ свидѣтелемъ новыхъ злоупотребленій и несправедливостей. Цюрихскіе горожане начали всѣми мѣрами стѣснять промышленность и торговлю сельскихъ жителей, выказывалъ въ своихъ дѣйствіяхъ безграницный произволъ. Тогда возникла въ умѣ его мысль посвятить всего себя на облегченіе бѣдствій страждущихъ близкихъ. «Издавна — такъ

говорилъ онъ въ послѣдствія — еще съ первыхъ лѣтъ моей юности, кипѣло во мнѣ желаніе изучить самый источникъ бѣствій народныхъ».

Когда такимъ-образомъ Песталоцци изученіемъ правъ искалъ проложить себѣ путь для благотворной дѣятельности гражданской и общественной, онъ нашелъ себѣ опору для этихъ цѣлей въ благородномъ другѣ своемъ Блунши, молодомъ человѣкѣ, который силою характера и разсудительностію поступковъ умѣрялъ одностороннюю мечтательность его порывовъ. Но Блунши вскорѣ заболѣлъ чахоткою, и, разставаясь на смертномъ одрѣ своемъ съ Песталоцци, сказалъ ему: «Я умираю, Песталоцци, ты остаешься одинъ, и потому не вступай на такой жизненный путь, гдѣ твое добродушіе и довѣрчивость могутъ довести тебя до погибели. Избери себѣ тихій и спокойный [путь въ жизни, и не вступай ни въ какое далекое и опасное предпріятіе, могущее лишить тебя душевнаго спокойствія, не приобрѣти себѣ новаго вѣрнаго друга, который могъ бы руководить тебѣ къ добру, съ любовью къ дѣлу и съ знаніемъ дѣла». Эти слова глубоко потрясли Песталоцци; онъ поклялся своему другу исполнить его завѣтъ, и въ послѣдствіи часто раскаивался въ томъ, что не исполнилъ его буквально.

Вскорѣ послѣ смерти Блунши, Песталоцци самъ опасно захворалъ грудною болѣзнью, въ слѣд-

ствіе усиленныхъ занятій. Врачи совѣтовали ему, во избѣжаніе усиленія болѣзни, прекратить на время свои занятія и искать отдыха въ деревнѣ. Песталоцци и самъ пришелъ къ тому убѣжденію, что путь, имъ избранный, не приведетъ его къ желанной цѣли дѣйствовать благотворно на общество. Онъ понялъ, что не въ состояніи будетъ достигнуть той степени власти, которая необходима для выполненія самыхъ благихъ его цѣлей, а потому рѣшился помочь людямъ, уча ихъ и воспитывая для жизни. Въ слѣдствіе того онъ сжегъ всѣ свои историческія и юридическія извлечения, и даль себѣ обѣть — сдѣлаться учителемъ. Полный юношескаго увлеченія упрочить благо своихъ близкихъ на основаніи правильнаго воспитанія и упрощеннаго образа жизни, Песталоцци отправился въ помѣстье своего дяди, г. Гольце, въ Рихтервиль, — а оттуда въ Кирхбергъ, недалеко отъ Берна, къ знаменитому въ то время сельскому хозяину Чиффели, для изученія сельскаго быта и сельской экономіи.

Чиффели принялъ его радушно, подѣлился съ нимъ своими многосторонними свѣдѣніями въ сельскомъ хозяйствѣ; но практическихъ приемовъ Песталоцци усвоилъ очень мало.

«Разставаясь съ Чиффели, говорить Песталоцци, я былъ, при всей вѣрности моихъ сужденій

о сельскомъ хозяйствѣ, такой же хозяинъ-мечтатель, какимъ я былъ дотолѣ гражданиномъ-мечтателемъ». При всемъ томъ дѣятельность Чиффели въ области сельского хозяйства пробудила въ Песталоцци желаніе соединить свой планъ народнаго воспитанія съ дѣятельностю сельского хозяина. По указанію друзей, онъ нашелъ не вдалекѣ отъ плантаций Чиффели, близъ стариннаго Габсбургскаго замка, нѣсколько сотъ десятинъ земли, которую продавали весьма дешево, потому что считали негодною для обработки, и немедленно купилъ около 100 десятинъ за ничтожную цѣну — по 10 гульденовъ.

Средства для этой покупки далъ ему одинъ Цюрихскій торговый домъ, увлеченный тѣми выгодами, которыхъ обѣщало предпріятіе, по планамъ Песталоцци.

Тотчасъ же приступилъ онъ къ постройкѣ дома въ большихъ размѣрахъ, въ Италіянскомъ вкусѣ, и въ 1767 году перебралъ въ новое свое владѣніе, названное имъ *Нейтофѣ*.

II.

Экономическая и педагогическая попытки въ Нейгофѣ.

Черезъ два года по переселеніи своеемъ въ Нейгофъ, въ Январѣ 1769 года, Шесталоцци женился на давно любимой имъ дѣвушкѣ Аниѣ Шультгесъ, дочери богатаго Цюрихскаго купца. Замѣчательно письмо, которое написалъ онъ ей незадолго до свадьбы, — письмо, въ которомъ онъ съ необыкновенною правдивостію высказываетъ ей свои понятія о жизни и всѣ свои далекіе планы. Между-прочимъ, онъ пишетъ: «Я долженъ вамъ признаться, что я всегда намѣренъ обязанности къ женѣ ставить ниже обязанностей къ отечеству, и хотя я надѣюсь быть самымъ нѣжнымъ и предупредительнымъ супругомъ, однако же никогда не посмотрю ни на какія женскія слезы, которыми хотѣли бы отвлечь меня отъ исполненія обязанностей гражданина. Моя жена будетъ подругою моего сердца, участницею во всѣхъ моихъ начинаніяхъ. Въ домѣ моемъ должна царствовать величавая, честная простота. Скажу еще одно: жизнь моя, я чувствую, не протечетъ безъ важныхъ, сомнительныхъ предпріятій. Я не забуду ученій Меналка и

моихъ собственныхъ рѣшеній—посвящать всѣ свои силы отечеству, я употреблю всѣ средства помочь нуждамъ моихъ соотечественниковъ. Чѣмъ болѣе опасностей могутъ повлечь за собою мои предпріятія, чѣмъ менѣе я вижу въ себѣ способностей для ихъ выполненія, тѣмъ болѣе я обязанъ высказать вамъ все это съ полной откровенностью» *).

Хозяйство въ Нейгофѣ съ первого же года пошло весьма неудачно. Постройка дома въ большихъ размѣрахъ поглотила всѣ наличныя средства. Помощникъ, котораго выбралъ себѣ Песталоцци, оказался человѣкомъ несведущимъ и весьма неблагонадежнымъ.

Цюрихскіе капиталисты отправили въ Нейгофъ своихъ повѣренныхъ для развѣданія, можно ли ожидать чего-либо лучшаго въ будущемъ, и, получивъ отрицательный отвѣтъ, прекратили выдачу денегъ Песталоцци. «Причиною неуспѣха моего предпріятія, говорить онъ, была моя рѣшительная неспособность къ предпріятіямъ какого-бы то ни было рода».

Не смотря на весьма стѣсненные обстоятельства, въ которыхъ Песталоцци находился въ это время, онъ рѣшился не только продолжать свое сельско-хозай-

---

*) Блохманъ, стр. 20.

ственное предпріятіе, но и присоединить къ нему училище для бѣдныхъ дѣтей. Въ доказательство, что въ немъ, наряду съ отсутствіемъ практическаго такта, сильно развита была способность убѣдительно излагать свои доводы, мы можемъ привести то, что проектъ училища для бѣдныхъ дѣтей возбудилъ въ Цюрихѣ, Бернѣ и Базель всеобщее вниманіе и участіе, не смотря на то, что еще такъ недавно въ томъ же обществѣ обнаружилось недовѣріе къ его хозяйственнымъ предпріятіямъ. Въ 1775 году Песталоцци основалъ училище для бѣдныхъ, и вскорѣ оно вмѣщало въ себѣ около 50 учениковъ. Лѣтомъ предполагалось занимать воспитанниковъ преимущественно полевыми работами, а зимою тканьемъ, пряжей и другими ремеслами; ко всему этому должны были присоединиться упражненія въ языкѣ и въ такъ- называемомъ умственномъ счислениі (Korfrechnen).

Песталоцци издавна былъ убѣжденъ въ томъ, что въ природѣ каждого человѣка заключено достаточно силъ и средствъ для безбѣднаго существованія, и что всѣ житейскія препятствія, встрѣчаемыя человѣкомъ въ этомъ отношеніи, всегда могутъ быть побѣждены имъ, если онъ достаточно развилъ свои силы для борьбы съ ними. Вотъ почему, при основавіи своего училища, онъ имѣлъ въ виду, во-1-хъ, дать пріютъ бѣднымъ дѣтямъ, преимущественно сиротамъ,

которая избавлялись такимъ образомъ отъ ящеты, праздности и дурныхъ примѣровъ; во-2-хъ, пріучить ихъ къ такимъ занятіямъ, которая современемъ дали бы имъ средства для безбѣднаго существованія. Трудомъ онъ надѣялся развить въ этомъ поколѣніи силы для борьбы съ нуждами и лишеніями; кроткимъ обхожденіемъ съ этими бѣдняками — онъ надѣялся возбудить въ нихъ ту любовь, ту мягкость и нѣжность сердца, которая служить основаніемъ всѣхъ человѣческихъ добродѣтелей. «Издавна, говорилъ онъ въ то время, питалъ я особенное уваженіе къ тому вліянію, которое обнаруживаетъ . семейная жизнь на образованіе бѣдныхъ дѣтей. Вмѣстѣ съ тѣмъ я высоко цѣнилъ въ этомъ отношеніи и землемѣріе; оно служить самою чистою и прочною основою образованія. Не такова жизнь фабричная, чуждая всякой человѣчности, питающая въ молодомъ поколѣніи одну только страсть къ барышу и авантюризму». Убѣжденный въ томъ, что только нравственное развитіе молодаго поколѣнія можетъ сохранить въ его отечествѣ остатки древнихъ Швейцарскихъ доблестей, Песталоцци со всею горячностью своего любящаго сердца принялъся за дѣло въ Нейгофѣ. Съ ранняго утра до поздняго вечера онъ былъ въ кругу своихъ дѣтей. Между ними было очень много въ высшей степени загрубѣлыхъ нравственно и — что всего хуже — избалованныхъ среди

нищеческаго состоявія, въ которомъ они дотолѣ заходились. Были между ними такія дѣти, которыхъ считали уніженіемъ для себя находиться въ этомъ училищѣ. Каждое воскресеніе училаще наполнялось родителями и родственниками такихъ дѣтей, выражавшими весьма дерзко свое неудовольствіе на весь тамошній распорядокъ. Случалось нерѣдко, что нравственно-испорченные родители отдавали туда дѣтей только для того, чтобы ихъ тамъ одѣли въ новое платье, и ночью тайкомъ уводили ихъ изъ училища. Жалобы Песталоцци передъ правительствомъ оставались большою частію безуспѣшными въ такихъ случаяхъ.

Впрочемъ (Песталоцци самъ признается), не въ этомъ заключалась главная причина неуспѣха его предпріятія. «Главная причина, пишетъ онъ *), та, что я далъ своему заведенію слишкомъ обширные размѣры, что у меня не достало силъ и умѣнья вести его по такому пути. Я съ первого же шага началъ развивать въ немъ то мануфактурное направлѣніе, которое считаю столь вреднымъ для народа, и развилъ это безъ достаточнаго умѣнья и постепенности. Я хотѣлъ, чтобы у меня выдѣлывали самую тонкую пряжу, когда съ грубою-то едва могли справиться мои воспитанники: приготовленіе кисеи заня-

---

*) Лебединая пѣснь, стр. 266—263.

мало моихъ ткачей въ то время, когда они еще выдѣльвали ситцы».

Подобные ошибки, происходившія отъ незнанія дѣла, отъ излишней поспѣшности и недостатка здраваго практическаго взгляда на вещи, были причиной, что Песталоцци годъ-отъ-году входилъ все въ болѣшіе долги. Его супруга съ величайшимъ самоотверженіемъ пожертвовала все свое приданое на уплату долговъ и семейство Песталоцци впало въ крайнюю бѣдность. Въ 1780 году Нейгофское училище было закрыто. Положеніе Песталоцци было ужасное. Часто въ его обширномъ красивомъ домѣ не доставало ни денегъ, ни дровъ, ни хлѣба. Недѣла эта этого новаго предприятия Песталоцци лишила его и той малой степени довѣрія, которымъ онъ еще пользовался въ окрестныхъ городахъ. «Мои друзья, говоритъ Песталоцци *), еще продолжали любить меня, но съ какою-то безнадежностью; всѣ говорили, что я погибшій человѣкъ, что я кончу жизнь или въ богадѣльнѣ или въ сумасшедшемъ домѣ».

---

*) Тамъ же, стр. 269.

— 6 —

III.

Литературная дѣятельность Песталоцци.

съ 1780 по 1798 годъ.

Удрученный крайнею бѣдностю, Песталоцци провелъ еще 18 лѣтъ въ свое мѣсто Нейгофѣ, и не упалъ духомъ въ борьбѣ съ тяжелыми житейскими невзгодами. Вспоминая въ послѣдствіи объ этихъ тѣгостныхъ годахъ своей жизни, онъ пишетъ: «Среди презрительного смѣха людей, пренебрегавшихъ мною, не утихало въ моемъ сердцѣ кипучее стремленіе къ одной цѣли — изсушить источникъ народныхъ бѣдствій. Мои силы крѣпли въ борьбѣ съ жизнью; мои несчастія укоренили во мнѣ убѣженіе въ истинности моихъ стремленій. Въ чемъ никто не заблуждался, въ томъ постоянно заблуждался я; но въ чемъ заблуждались всѣ, въ томъ я не заблуждался» *).

Закрытіе Нейгофскаго училища, не смотря на бѣдственное положеніе Песталоцци, нельзя не признать благотворнымъ для будущей его дѣятельности. Онъ пересталъ тратить свои силы на такое дѣло, для котораго онъ еще не созрѣли. Томительное и

---

*) Блохманъ, 31 стр.

напряженное состояніе, въ которомъ онъ въ это время находился, не осталось безплоднымъ. Первымъ плодомъ его было небольшое, но исполненное глубокихъ мыслей, сочиненіе, напечатанное имъ въ 1780 году въ «Эфемеридахъ», подъ заглавіемъ: *Вечерній часъ отшельника.* Это рядъ афоризмовъ, имѣющихъ одинакъ между собою неразрывное внутреннее единство. Эти мысли, будучи плодомъ мучительныхъ самосозерцаній Честалоци, въ тѣ трудныя минуты его жизни, были живыми сѣменами для будущей его плодотворной дѣятельности. Въ нихъ заключается какъ бы программа и ключъ для всей послѣдующей педагогической дѣятельности Честалоци. Приводимъ здѣсь наиболѣе замѣчательные мысли изъ этого сочиненія.

Вотъ какимъ строгимъ вопросомъ начинаетъ отшельникъ свои размышленія: «Пастыри и учителя народовъ познали ли вы человѣка? Познаніе его природы и назначенія составляетъ ли для васъ дѣло совѣсти?»

«Все человѣчество, по сущности своей, едино. Оно достигаетъ своего назначенія единимъ путемъ. Естественные дарования каждого отдельного человѣка должны быть воздѣланы до чистой человѣческой мудрости. Общечеловѣческое образованіе должно быть основою для образованія, нужнаго тому или другому сословію».

«Упражненіе увеличиваетъ дарованія». «Духовныя силы дѣтей не должны быть торопливо устремляемы на далекія цѣли, прежде чѣмъ онѣ не окрѣпнутъ въ упражненіяхъ надъ ближайшими предметами».

«Кругъ познаній человѣка начинается на близкомъ отъ него разстояніи, и постепенно расширяется концентрически».

«Реальные познанія должны предшествовать умствованіямъ».

«Вся человѣческая мудрость опирается на силы доброго, внемлющаго истинѣ сердца. Любознательность и любочестіе должны быть поставлены ниже внутренняго душевнаго мира и тихаго наслажденія жизнью».

«Такъ какъ воспитаніе для ближайшихъ цѣлей жизни предшествуетъ образованію человѣка для цѣлей дальнѣйшихъ: то укорененіе въ сердцѣ человѣка семейственныхъ добродѣтелей должно предшествовать укорененію въ немъ добродѣтелей гражданскихъ. Но ближе къ намъ, нежели отецъ и мать, есть Богъ: къ Нему-то состоять человѣчество въ ближайшемъ отношеніи».

«Вѣра въ Бога есть сыновнѣе чувство человѣчества въ отношеніи къ отеческой любви Создателя. Такая вѣра не есть простое слѣдствіе образованности ума: она основана на дѣтской простотѣ

сердца. Сыновия покорность Богу не есть следствие воспитания, но есть первая основа всего человеческого образования. На верь в Бога основано упование на жизнь вечную. Сыны Божии бессмертны».

«Вера в Бога освящает и укрепляет узы между родителями и детьми, властителями и подданными. Неверие разрывает все узы, уничтожает все благое на земле».

«Грехъ есть источникъ и следствие неверия; онъ есть действие противъ внутренняго сознанія правды и неправды; онъ свидѣтельствуетъ, что сыновнее чувство человѣка къ Богу утратилось. Истинная свобода основана на правдѣ, правда – на любви, и такъ свобода основана на любви».

Черезъ годъ послѣ напечатанія этого сочиненія, въ 1781 году, явилась въ свѣтъ первая часть того сочиненія Песталоцци, которое утвердило его литературную известность, и котораго дѣйствие было и вѣчно будуть плодотворно въ читателяхъ всѣхъ сословій. Это сочиненіе называется: «Лингардъ и Гертруда. Книга для народа».

Обстоятельства, въ следствие которыхъ и при которыхъ оно написано, такъ занимательны, что мы приведемъ объ нихъ разсказъ самого Песталоцци.

Въ то несчастное время, когда Песталоцци

принужденъ бытъ закрыть Нейгофское училище, у него остался одинъ вѣрный другъ, Цюрихскій книго-продавецъ Фюсли. «Онъ высказалъ мнѣ прямо, говоритъ Песталоцци, что всѣ прежніе мои друзья считаютъ за несомнѣнное, что я кончу жизнь или въ богадѣльнѣ или въ сумасшедшемъ домѣ. Этотъ добрый и вѣрный другъ мой принималъ сердечное участіе въ моемъ положеніи, и въ той самой комнатѣ, гдѣ онъ высказалъ мнѣ такое прискорбное мнѣніе моихъ знакомыхъ, случилось обстоятельство, которое внезапно улучшило мое состояніе. Фюсли былъ истиннымъ другомъ стариаго простаго Швейцарскаго быта, во всѣхъ его проявленіяхъ, напримѣръ во всѣхъ формальностяхъ государственной службы. А между тѣмъ послѣдовали разныя нововведенія, измѣнявшія этотъ бытъ и во многомъ не къ лучшему. Въ это время начинавшееся новое республиканское движение производило перемѣны во всемъ прежнемъ порядкѣ, отъ важнаго до мелочей. Я, на досугѣ, въ сатирическомъ настроеніи духа, осмѣяль въ небольшой статейкѣ эти Цюрихскія нововведенія. Вскорѣ по выходѣ ея въ свѣтъ, Фюсли разговаривалъ какъ-то, въ своемъ кабинетѣ, съ братомъ своимъ, живописцемъ, обо мнѣ; и въ то время, какъ онъ высказывалъ ему сожалѣніе о томъ, что не можетъ, при всемъ своемъ желаніи, вывести меня изъ бѣдственнаго моего положенія, братъ Фюсли

развернуль случайно близлежавшую мою брошюру и стала ее читать. Прочтя ее внимательно, онъ сказаъ брату: этотъ человѣкъ можетъ самъ себѣ помочь, если захочетъ: у него есть талантъ писать такъ, какъ нужно писать въ наше время; все здѣсь написанное весьма занимательно. Подговори его на это, и увѣрь его отъ моего имени, что литература дастъ ему хлѣбъ. Фюсли тотчасъ же послалъ за мною, съ восторгомъ передалъ мнѣ слова своего брата и прибавилъ: «Я удивляюсь, какъ мнѣ самому это не пришло въ голову». Мнѣ же представлялось, что онъ разсказываетъ про какой-то сонъ. Тѣмъ болѣе страннымъ казалось мнѣ все это, что я среди житейскихъ заботъ до того забылъ книжное образованіе, что едва могъ написать строку безъ грамматической ошибки, и подозрѣвалъ въ себѣ менѣе всего литературныхъ способности. Это же мнѣ не разъ говоривалъ и самъ Фюсли. Но нужда, про которую обыкновенно говорять, что она дурной совсѣтчикъ, оказалась для меня на этотъ разъ добрымъ совсѣтчикомъ. Воротясь домой, я нашелъ какъ разъ на своемъ столѣ Мармонтелевы нравственныя повѣсти; я раскрыль ихъ тотчасъ же, задавши себѣ вопросъ, нельзя ли и мнѣ сочинить что нибудь въ этомъ родѣ. Прочтя двѣ или три повѣсти, я нашелъ, что тутъ иѣть ничего невозможнаго. Я набросалъ пять-шесть подобныхъ разсказовъ, но мнѣ

ни одинъ изъ нихъ не показался годнымъ; послѣдній опытъ въ этомъ родѣ былъ *Лингардъ, и Гер-труда* — разсказъ, который, я и самъ не знаю какъ, сбѣжалъ съ моего пера, развился въ подробностяхъ, хотя я вовсе не имѣлъ въ головѣ никакого плана. Въ нѣсколько недѣль книжка была готова, и я самъ не знаю, какъ это случилось. Я чувствовалъ ея достоинства, но только развѣ какъ человѣкъ, который во снѣ чувствуетъ достоинства тѣхъ сокровищъ, которыхъ ему снятся. Я самъ едва вѣрилъ, что все это происходитъ не во снѣ; но тутъ подстрекнула меня надежда, что только этимъ путемъ могу я вывести себя и свое семейство изъ бѣдственнаго положенія. Я показалъ мой опытъ одному другу Лафатера, къ которому и самъ я былъ близокъ. Онъ нашелъ повѣсть весьма занимательною, только сказалъ, что она въ такомъ видѣ, какъ есть, не можетъ явиться въ свѣтѣ: она слишкомъ неправильно написана и не литературнымъ языкомъ. При этомъ онъ обѣщалъ отдать ее на выправку одному изъ своихъ знакомыхъ, знатоку литературнаго дѣла. Я, безъ всякихъ притязаній и съ дѣтскимъ простодушiemъ, отвѣчалъ ему: очень хорошо, и отдалъ тутъ же нѣсколько первыхъ листовъ повѣсти, для исправленія. Но какъ же я удивился, когда увидѣлъ послѣ того мою повѣсть въ исправленномъ видѣ. Это было не что иное, какъ работа досужаго

студента богословія, уничтожившая методически всю простоту и естественность рассказа. Вместо крестьянского быта, который былъ изображенъ у меня безъ всякой искусственности и прикрасы, я встрѣтилъ сцену, гдѣ поселяне разговариваютъ въ гостиницѣ ученымъ языкомъ. Однимъ словомъ, я не нашелъ и тѣни того, что было у меня написано. Знакомецъ мой и самъ ужаснулся при видѣ этихъ поправокъ. Тогда я рѣшился обратиться за советомъ къ Изелину, члену Базельской ратуши, съ которымъ я незадолго передъ тѣмъ познакомился. На его вкусъ я имѣть причины болѣе полагаться, нежели на вкусъ другихъ моихъ знакомыхъ: потому что онъ былъ человѣкъ безъ всякихъ провинціальныхъ предразсудковъ въ сужденіяхъ своихъ о литературѣ. При всемъ томъ его сужденіе о моей книгѣ превзошло всѣ мои ожиданія. Онъ сказалъ мнѣ прямо: «Подобной книги я не читалъ еще ни разу; мнѣвія, которыя въ ней высказаны, какъ нельзя болѣе подходятъ къ потребностямъ нашего времени; а что касается до грамматическихъ ошибокъ, таѣ этой бѣдѣ легко помочь». Тутъ же онъ взялъ на себя всѣ труды по изданію, и обѣщалъ доставить мнѣ и вознагражденіе, которое придется за мой трудъ. «Вирочемъ, прибавилъ онъ, не ждите большаго, потому что вы еще новичекъ и не составили себѣ литературной известности». Немедленно отписалъ

онъ обо всемъ въ Берлинъ, къ книгоиздателю Декеру; тотъ выслалъ мнѣ по луидору за листъ, обѣщаю заплатить и дороже, если книга удостоится втораго изданія. Я былъ невыразимо доволенъ. Луидоръ за листъ, въ моемъ положеніи, было много, очень много. Книга вышла и возбудила въ моемъ отечествѣ и во всей Германіи всеобщее вниманіе. Вскорѣ всѣ журналы отзывались объ ней съ похвалою, и — что еще болѣе имѣло значенія — всѣ альманахи заговорили о ней. Но всего неожиданнѣе для меня было то, что экономическое общество въ Бернѣ прислало мнѣ за сочиненіе благодарность и большую золотую медаль, съ которой впрочемъ, какъ ни радовала она меня, я долженъ былъ вскорѣ разстаться: нужда заставила меня продать ее *).

Эта простая по содержанію повѣсть и до сихъ поръ имѣетъ весьма обширный кругъ читателей въ простомъ народѣ Германіи. Главное дѣйствующее лицо здѣсь — Гертруда, жена поселянина Лингарда, человѣка добра, но слабаго характеромъ. Гертруда своею умною дѣятельностью поддерживаетъ все семейство. Умѣніе, съ которымъ она ведетъ хозяйство, воспитываетъ и учить дѣтей своихъ, можно назвать идеаломъ Песталоцци. Повѣсть, какъ

---

*) Лебединая пѣснь, 270 — 275.

и естественно ожидать, имѣть дидактическій характеръ. Въ противоположность этой свѣтлой сторонѣ деревенской жизни, представлена и мрачная; вся община, въ которой живетъ Гертруда, погружена въ нравственное разстройство.

Песталоцци многократно самъ высказывалъ цѣль, съ которой эта повѣсть написана. Такъ въ предисловіи ко второму изданію онъ говорить: «я написалъ ее съ тою цѣллю, чтобы показать дѣйствительный бытъ простаго народа и естественныя его отношенія къ другимъ сословіямъ, и на основаніи этихъ данныхъ начертать картину лучшаго народнаго образованія. Это было мое первое сердечное слово къ бѣдному покинутому сословію нашей земли. Это было мое первое слово къ тѣмъ, которые призваны Богомъ заботиться о бѣдныхъ и покинутыхъ. Это было мое первое слово къ материамъ; я хотѣлъ показать имъ, чѣмъ они должны быть по величию Божию, и чѣмъ никто, кроме нихъ, быть не можетъ на землѣ».

Казалось бы, что Песталоцци напрасно терпѣлъ горе и несъ тяжкие труды въ Нейгофѣ, потому что онъ самъ говорить о себѣ: постояннымъ проводѣйствиемъ моимъ цѣлямъ былъ недостатокъ выработанныхъ практическихъ способностей, — и ужасающая разница между охватомъ моей воли и тѣсными предѣлами моихъ силъ». Но все-таки онъ

не напрасно трудился: чего не доставало ему въ одномъ отношеніи, то съ избыткомъ вознаграждалось въ другомъ. Если ему не доставало умѣнья приводить въ исполненіе свои идеи, то онъ въ высшей степени обладалъ умѣнiemъ наблюдать людей, понимать и изображать ихъ характеры. Если онъ не имѣлъ силъ осуществить свои идеалы въ жизни, то ему дана была способность — посредствомъ поэтическаго изображенія ихъ внушать читателямъ то же стремленіе къ добру, какимъ онъ самъ былъ проникнутъ. Онъ могъ надѣяться, что люди опытные въ практической жизни, прочитавъ его книгу, проникнутся его идеями и осуществлять па самомъ дѣль то, что онъ умѣлъ только описывать. И действительно, онъ нашелъ такихъ читателей *).

Главнымъ желаніемъ Песталоцци было привести въ народъ необходимыя для жизни познанія, посредствомъ хорошаго начального обученія. Онъ надѣялся, что, съ укорененіемъ въ народѣ этихъ началъ, образуется новое поколѣніе, полное силъ и способностей для жизни самостоятельной, — поколѣніе, которое найдетъ въ самомъ себѣ средство противъ нуждъ и всякаго рода бѣдствій

---

*). Генрихъ разсказываетъ, что когда Липпардъ и Герштруда была переведена на датскій языкъ, то многие знатные, между прочимъ графиня Шимельманъ, увлеченные книгою, принялись за ифкотория полезная преобразованія въ своихъ помѣстяхъ.

житейскихъ. Но Песталоцци напрасно искалъ во-
кругъ себя учителей, которые могли бы вести это
начальное обученіе въ его духѣ. Даже семинарій,
гдѣ бы учителя такого рода могли образовываться,
не было. Тогда-то ему, возросшему подъ надзоромъ
матери, пришло на мысль — вручить материю
воспитаніе народное, школьную скамью замѣнить
домашнею скамьею. Гертруда должна была служить
образцомъ для матерей. Но какъ же сдѣлать жен-
щинъ низшаго сословія способными учить? Кто
самъ ничего не знаетъ, можетъ ли тотъ учить
другихъ? Мы увидимъ ниже, какой отвѣтъ дадутъ
на эти вопросы учебники Песталоцци, которыми
онъ думалъ замѣнить и знанія и способности учи-
телей. Песталоцци полагалъ, что материю се-
мействъ стоитъ только буквально держаться этихъ
книгъ, и тогда самая ограниченная изъ нихъ въ
состояніи будетъ обучать дѣтей своихъ, какъ самая
способная: учебники и метода сравняютъ умы.

Всѣ близкіе къ Песталоцци люди смотрѣли
весьма равнодушно на его новыя занятія, и книга,
выработанная имъ съ такою предварительною душев-
ною пыткою, убѣдила ихъ только въ томъ, что
онъ имѣть способность писать романы, и что
смѣшно будетъ, если онъ не займется этимъ исключи-
тельно для насущнаго хлѣба. Впрочемъ, нѣкото-
рыя лица съумѣли лучше оцѣнить его трудъ.

Карлъ фонъ-Бонштеттенъ приглашалъ Песталоцци переселиться въ его помѣстья во Французской Швейцаріи: Австрійскій министръ финансовъ, графъ Цинцендорфъ, звалъ его къ себѣ. Онъ получилъ даже нѣсколько позднѣе приглашеніе на службу къ великому герцогу Тосканскому Леопольду; но когда послѣдній, по смерти Іосифа II, вступилъ на Австрійскій престолъ, то это дѣло было почему-то забыто, и Песталоцци еще въ теченіи 17 лѣтъ продолжалъ свою трудную жизнь въ Нейгофѣ. Всего онъ прожилъ тамъ 30 лѣтъ, съ 1767 по 1798, — и вотъ что онъ самъ пишетъ объ этой жизни въ письмѣ къ другу своему Цшокке: «Тридцать лѣтъ длится моя напряженная борьба съ крайнею бѣдностю. До сегодняшняго дня я не могу посѣщать ни общества, ни даже церкви, потому что мнѣ не во что прилично одѣться. На улицѣ я служу посмѣшищемъ народа, потому что хожу, какъ ницій. Тысячу разъ приходилось мнѣ оставаться безъ обѣда, и въ тотъ часъ, когда почти каждый бѣднякъ сидѣлъ за своимъ столомъ, я съ горестію голодалъ кусокъ черстваго хлѣба на улицѣ *).

Замѣчательно, что въ это время Песталоцци едва не палъ нравственно, вступивши въ разрушительный орденъ иллюминаторовъ и сдѣлавшись на

---

*¹) Гейслеръ — Песталоцци, какъ воспитатель. Стр. 87.

короткое время его главою. Но вскорѣ ослѣпленіе его прошло: онъ покинулъ орденъ, и одинъ изъ его биографовъ, Геннингъ, приводить замѣчательныя слова его по этому случаю: «что предпринимается недозволенными обществами, то обыкновенно впадаетъ въ руки интригантовъ».

Въ этотъ же періодъ своей жизни онъ издалъ еще нѣсколько сочиненій, которыхъ впрочемъ имѣли болѣе политической, нежели педагогической характеръ. Такъ въ 80-хъ годахъ, когда первые отголоски народнаго движенія слышались во Франціи, и общественный переворотъ грозилъ коснуться и Швейцаріи, Песталоцци написалъ «Рисунки къ моей азбукѣ», изданные имъ только въ 1795 году. Это родъ басенъ, въ которыхъ онъ подъ видомъ звѣрей изображалъ звѣрскія побужденія людей, и хотя не весьма разнообразно, но иногда довольно мѣтко и простодушно.

Нѣсколько ранѣе, а именно въ 1782 году, была написана имъ еще повѣсть въ родѣ Лингарда и Гертруды, — подъ названіемъ: *Христофоръ и Эльса*; но она не имѣла обширнаго круга читателей, потому что въ ней Песталоцци не удалось попасть на народный складъ мыслей и рѣчи. Есть впрочемъ и въ ней замѣчательныя мѣста, напримѣръ, гдѣ онъ вооружается противъ всѣхъ насильственныхъ переворотовъ, и упоминаетъ о временахъ Вильгельма

Телля: «Мы благодаримъ Бога, говорить онъ, за послѣдствія вѣрности и мужества основателей нашей свободы. Но дѣйствія ихъ, взятые сами по себѣ и въ отдѣльности, не могутъ быть ни въ какомъ случаѣ, какъ бы они ни были благодѣтельны по послѣдствіямъ, приняты за образецъ справедливости въ гражданской жизни».

Съ 1782 года онъ издавалъ, въ теченіи двухъ лѣтъ, «Швейцарскій листокъ», еженедѣльно. Здѣсь онъ помѣщалъ между прочими некрологи замѣчательныхъ современниковъ. Въ одномъ изъ нумеровъ журнала ему суждено было помѣстить некрологъ своего первого ободрителя на литературномъ пути, Изелина. Вотъ что онъ говорить о немъ: «Я утонулъ бы въ омутѣ жизни, еслибы Изелинъ не подалъ мнѣ руку. Онъ далъ мнѣ почувствовать, что и я что-нибудь да сдѣлалъ, даже въ моемъ училишѣ для бѣдныхъ».

Въ томъ же году явилась его брошюра: *О законодательствѣ противъ дѣтоубийства*. Въ 1798 году явились его *Изслѣдованія о естественномъ ходѣ развитія человѣчества*. Объ этой книгѣ Песталоцци самъ пишетъ слѣдующее: «Въ теченіи трехъ лѣтъ я съ неимовѣрнымъ стараніемъ писалъ ее, съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы посредствомъ этого труда выяснить себѣ самому любимыя мои мысли. Но и эта книга служить для меня свидѣтельствомъ

моей неспособности: это не болѣе, какъ игра моихъ изслѣдовательныхъ дарованій, это стремленія, не опирающіяся на практическія силы. Несоразмѣрность между моими силами и широтою взгляда въ росла все болѣе. Дѣйствіе моей книги на знакомыхъ мнѣ читателей было то же, какъ и влияніе всей моей дѣятельности; дошло до того, что меня никто не понималъ, и всѣ почти явно въ глаза называли мою книгу галиматею». Вотъ что говорить *Раумеръ* объ этомъ сочиненіи: одинъ изъ бiографовъ Песталоцци называется *вечернiй часъ отшельника* — изреченіями оракула. Мнѣ хотѣлось бы въ этомъ отношеніи примѣнить къ Песталоцци то, что Платонъ въ одномъ мѣстѣ высказалъ вообще объ оракулахъ: «Въ изгнаніи своемъ они много высказывали полезнаго для Грецiи, а въ полномъ сознаніи — очень мало, или вовсе ничего». По моему мнѣнію, эти *изреченiя оракула* въ устахъ отшельника стоять гораздо выше, нежели сознательная и трезвая пытливость *изслѣдований* Песталоцци.

IV.

Песталоцци въ Станцѣ.

1798.

Съ закрытія Нейгофскаго училища до 1798 года Песталоцци не имѣлъ возможности примѣнять на дѣлѣ своихъ идей о воспитаніи. Между тѣмъ, какъ мы уже видѣли изъ письма его къ Цшопке, бѣдственное положеніе его доходило до крайнихъ предѣловъ. Литературные труды его весьма скучно вознаграждались. Въ это время вспыхнула революція во Франціи, и этотъ огненный потокъ разлился и на Швейцарію. Революціонныя войска вторгнулись въ нее; прежнія формы были низровергнуты, всѣ кантоны слились въ одну республику, во главѣ которой, по образцу Французской директоріи, образовалась директорія изъ пяти членовъ. Между ними былъ и другъ Песталоцци, Легранъ, движимый такоже, какъ и онъ, неутомимою дѣятельностію и надеждоюна лучшую будущность для своего отечества. Вліяніе Леграна и некоторыхъ другихъ благомыслящихъ лицъ, стоявшихъ во главѣ правлениія, открывало для Песталоцци новое, весьма почетное поприще для государственной дѣятельности; но онъ, сознавая

свои недостатки, не довѣряя своимъ силамъ, отказался отъ государственной должности, повторивъ свои прежнія слова: *я хочу быть учителемъ*. Правительство уже готово было осуществить его пламенное желаніе; онъ былъ назначенъ директоромъ семинаріи въ Аргау, какъ вдругъ несчастныя военные обстоятельства помѣшили исполненію этого плана.

Старинные Швейцарскіе кантоны не хотѣли признавать новаго правительства, желая сохранить прежнее свое устройство, освященное 500-лѣтнимъ существованіемъ. Первый возсталъ противъ новаго порядка вещей Унтервальденъ. Тогда Французскіе революціонеры вторглись въ долины этихъ беззащитныхъ Альпійскихъ пастуховъ, жгли, грабили деревни, умерщвляли жителей и 9 Сентября 1798 года сожгли до-тла главный городъ Унтервальдена *Станицю*. Невыразимое бѣдствіе распространилось по всему разграбленному кантону. Толпы дѣтей, разлученныхъ съ родителями, бродили безъ пристанища. Извѣстіе объ этихъ опустошеніяхъ, произведенныхъ Французами въ счастливыхъ нѣкогда и цвѣтущихъ долинахъ, пробудило всеобщее негодованіе въ сердцахъ Швейцарцевъ. Со всѣхъ сторонъ посыпали платье, деньги и съѣстные припасы для несчастныхъ жителей Унтервальдена, и члены новой директоріи первые позаботились облегчить народное бѣдствіе.

Легранзъ, Штапферъ и Риттеръ, обладавшіе истинно-правительственnoю прозорливостію, движимые безкорыстнымъ желаніемъ добра всѣмъ членамъ своего отечества, съумѣли сдѣлать достойный выборъ между людьми, наиболѣе способными успокоить взволнованный и разоренный край, и въ особенности принять подъ надежный кровъ блуждающихъ дѣтей. По ихъ указанию, были отправлены въ Станцъ два знаменитые Генриха Швейцаріи: *Генрихъ Щокке* и *Генрихъ Песталоцци*. Первый былъ облечень должностю комиссара, второй отправился учителемъ.

«Это былъ рѣшительный, почти безразсудный для меня шагъ, говорить Песталоцци въ своихъ воспоминаніяхъ: зрячій его бы не сдѣлалъ; но я былъ, къ счастію, слѣпъ. Я не зналъ опредѣленно, что я дѣлаю, но я зналъ, что я хочу сдѣлать, а это значило для меня: или умереть, или достигнуть цѣли. Средства для моей цѣли были безусловно результаты нужды, которую я долженъ былъ побороть такъ или иначе. Обрадованный, что наконецъ сонъ всей моей жизни готовъ осуществиться, я ни минуты не задумался о томъ, что начинаю жизнь на высочайшихъ Альпахъ, какъ говорится, безъ огня и безъ воды».

Правительство поручило Песталоцци устроить сиротскій домъ въ зданіи Урсулинскаго монастыря. Когда онъ прибыль туда въ сопровождениі одной

только ключницы, тотчас же оказались мѣстами неудобства. Зданіе было слишкомъ тѣсно для помѣщенія предполагаемаго числа дѣтей, и притомъ вполовину только отстроено. Между тѣмъ бѣдные сироты стекались отсюду въ болѣемъ числѣ, прежде неожели успѣли приготовить для нихъ комнаты, постели и кухню. Въ тѣсной комнатѣ, гдѣ сквозь полуразрушенныя окна дулъ холодный осенний вѣтеръ, гдѣ отъ стѣнъ вѣяло сыростию, среди пыли перестроящаагося стараго зданія, началь Песталоцци свое дѣло. Но это были еще легко-устранимыя неудобства въ сравненіи съ тѣмъ, что ожидало Песталоцци, когда домъ началь наполнялся приходившими отсюду оставленными дѣтьми. Дѣти являлись полупагія, въ грязи, покрытыя заразительными сыпями, иная съ переломленными членами, всѣ блѣдныя, желтыя отъ изнуренія, запуганныя, загнанныя и потому недовѣрчивыя; многія уже развращенные при недостаткѣ надзора, другія изнѣженныя, избалованыя среди прежняго быта въ родительскомъ домѣ, и въ слѣдствіе того недовольныя своимъ настоящимъ состояніемъ и высокомерно смотрящія на новыхъ своихъ товарищѣй, нищихъ. Ко всему этому присоединилась въ дѣтяхъ почти всеобщая неразвитость и недостатокъ самыхъ первоначальныхъ познаній: едва-ли одинъ изъ нихъ зналъ азбуку.

Такъ описываетъ Песталоцци дѣтей, ввѣренныхъ его попеченію въ Станцѣ. И среди нихъ-то онъ явился, кроткій, любящій и самоотверженный. Для этихъ дѣтей онъ былъ и начальникомъ и слугою, отцомъ и врачомъ, и учителемъ и учебною книгою, потому что другихъ книгъ тутъ и не было. Во всѣ часы дня онъ съ напряженною силою исполнялъ эти разнообразныя должности, не уклоняясь и отъ такихъ, которыя для другаго показались бы унизительными и даже отвратительными.

Недостатокъ школьнаго образованія въ дѣтяхъ беспокоилъ его всего менѣе. Онъ вѣрилъ въ дарованія, которыя Богъ поселяетъ даже въ самыхъ заброшенныхъ дѣтяхъ. Изъ прежнихъ опытовъ онъ убѣдился, что природа среди тиши запустѣнія въ состояніи возрастить самые роскошные цвѣты дарованій, и потому надѣялся, что нравственное и умственное состояніе этихъ дѣтей измѣнится скорѣе, нежели промерзшая зимою почва перемѣнитъ свой видъ подъ лучами весеннаго солнца. И онъ вѣ ошибся. Еще не стаялъ зимній снѣгъ на Альпахъ, какъ его дѣтей уже нельзя было и узнать.

Онъ признается самъ, что дѣйствовалъ безъ особенного строгаго плана и называетъ свои педагогическіе опыты надъ дѣтьми въ Станцѣ *щупаньемъ пульса науки воспитанія*. Основная мысль, рубо-

водившая имъ, была та любимая его мысль, доказанная имъ въ *Гертрудъ*, что школьнное воспитаніе должно обратить въ *домашнее*. Какъ заботливая мать въ своемъ домѣ ежедневно и ежечасно слѣдить за малышиими душевными движеніемъ своего дитяти, такъ долженъ отечески слѣдить за своими питомцами воспитатель, проникнутый духомъ семейственнымъ. Такова была основная мысль Песталоцци, и ее-то приводилъ онъ въ исполненіе въ Станцѣ съ неослабною дѣятельностью и съ замѣчательнымъ единствомъ всѣхъ своихъ дѣйствій. Онъ старался всѣми силами сдѣлать для своихъ питомцевъ очевиднымъ, что онъ преданъ имъ всѣмъ сердцемъ, что ихъ счастіе составляеть и его счастіе, что ихъ радости радуютъ и его въ то же время. Искусственныхъ пособій для всего этого онъ не искалъ, да они и не нужны были для его дѣтей: окрестная природа, ежедневныя жизненные потребности, для которыхъ нужны были силы дѣтей — вотъ чѣмъ пользовался онъ для ихъ образованія. Поучительно и трогательно описываетъ онъ свои отношенія къ дѣтямъ въ письмѣ къ Геснеру: «Съ утра и до вечера я былъ одинъ среди нихъ. Все, чѣмъ улучшалось ихъ душевное и тѣлесное состояніе, происходило изъ моихъ рукъ. всякая помощь, всякое наставленіе, всякое познаніе проливалось въ нихъ черезъ мое посредничество. Мы шли

рука-объ-руку; я не сводилъ съ нихъ глазъ. Я съ ними плакаль, я съ ними и радовался. Они были въ міра; они были въ Станца: они были со мною, я былъ съ ними. Я дѣлилъ съ ними и пищу и питье. Я не имѣлъ ничего своего, не имѣлъ свое-го хозяйства; у меня не было ни друзей, ни при-слуги: были только они. Когда они были здоровы, я былъ среди нихъ; когда они заболѣвали, я си-дѣлъ у ихъ постели. Я спалъ съ ними въ одной комнатѣ. Я послѣдній ложился въ постель и вста-валъ съ нея первый. Я молился съ ними, поучаль-ихъ и въ постели, пока они не засыпали. Въ еже-минутной опасности заразиться отъ нечистотъ, ко-торая покрывали ихъ тѣло и платье, я пренебре-галъ всѣмъ и яе покидалъ ихъ» *).

Съ такимъ геройскимъ самоотверженіемъ Песталоцци явился въ Станцѣ истиннымъ отцомъ бѣдныхъ дѣтей. Духъ семейственной жизни — эта основа истинно-человѣческаго воспитанія, осъняль это новое обширное семейство. Песталоцци не ча-прасно старался дать дѣтямъ чисто-нравственное, христіанскоѣ направлениѣ. Въ короткое время эти 80 бѣдныхъ дѣтей, разнаго званія и происхожде-нія, жили какъ братья подъ одною кровлею. Онъ мало проповѣдывалъ имъ нравственныхъ правиль-

---

*) Блохманъ, 47 стр

но когда случалось, что, послѣ долгаго шума, они наконецъ унимались и наступала минута тишины, такъ что всѣ слова его могли быть слышны, онъ обращался къ нимъ съ такою рѣчью: «ну, не умѣе ли, не лучше ли вы станете, когда будете вести себя такъ, какъ вы теперь себя ведете, нежели когда вы шумите и бѣситесь?» Когда они бросались къ нему на шею и называли его своимъ отцомъ, онъ спрашивалъ ихъ: «Хорошо ли это, дѣти, цѣловать меня, а за спину дѣлать то, что меня огорчаетъ?» Когда заходила рѣчь о бѣдствіяхъ отечества, онъ спрашивалъ дѣтей: «Понимаете-ли вы различіе между правительствомъ, которое печется о бѣдныхъ дѣтяхъ и даетъ имъ воспитаніе, и тѣмъ, которое оставляетъ ихъ на произволъ судьбы и кормить хлѣбомъ только въ богадѣльняхъ, не думая помочь горю существенными и разумными мѣрами?» Когда Альтдорфъ былъ сожженъ подобно Станцу, онъ собралъ дѣтей вокругъ себя и сказалъ имъ: «Альтдорфъ сгорѣлъ; можетъ быть, въ эту минуту бродить вокругъ него до ста человѣкъ дѣтей безъ крова, безъ пищи и одежды. Желаете-ли вы попросить наше благодѣтельное начальство, чтобы оно дало пріютъ хотя двадцати изъ нихъ въ нашемъ домѣ?» И когда растроганныя дѣти въ одинъ голосъ закричали: да, да, желаемъ! — то онъ прибавилъ: «но у насъ мало средствъ; вы привуждены

будете ради этихъ бѣдняковъ больше работать, меныше получать пищи и даже платьемъ своимъ должны будете подѣлиться съ ними, — такъ же лаєте ли вы и за всѣмъ тѣмъ помочь имъ въ нуждѣ?» Дѣти отвѣчали не задумавшись: «пусть всѣ они придутъ сюда! мы согласны больше работать и меныше єсть.» Такъ и во всемъ онъ старался прежде дать высказаться живому чувству добра, а потомъ начинай говорить о добродѣтели. Это чувство добра онъ старался укоренить въ дѣтяхъ, пріучая ихъ къ самообладанію и самоотверженію. Кроткое и веселое выраженіе ихъ лицъ было для него истинною отрадою, и когда, собравшись вокругъ него толпою, они съ дѣтскою довѣрчивостію и нѣжностію склонялись головами къ нему на грудь, онъ часто спрашивалъ ихъ: «Дѣти, хотите ли и вы, со временемъ, жить, какъ я, въ кругу бѣдныхъ покинутыхъ дѣтей, воспитывать и учить ихъ?»

Въ преподаваніи Песталоцци примѣнилъ здѣсь къ дѣлу взаимное обученіе, задолго до того времени, какъ Ланкастеръ и Белль возвели его въ систему. Дѣти учили дѣтей, и дѣти охотно учились; успѣвшіе болѣе, охотно и хорошо передавали отсталымъ то, что сами знали лучше. Когда одинъ зналъ хотя немногимъ, хотя двумя буквами болѣе другихъ, то онъ садился между двоими товарищами, братски обнималъ ихъ руками съ обѣихъ сторонъ,

и сообщалъ имъ излишекъ своихъ познаній. Такимъ образомъ Песталоцци изъ дѣтей же образоваль себѣ помощниковъ. Большая часть учениковъ оказались съ хорошими способностями; все изучаемое было для нихъ совершенно ново, а успѣхи, ими оказанные, подстrekнули ихъ на новые успѣхи.

Здѣсь уже Песталоцци стала основывать все преподаваніе на *воззрѣніи* *), и все малѣйшее, что изучено было дѣтьми, онъ старался укоренить въ нихъ до совершенной ясности, дабы тѣмъ пробудить въ нихъ сознаніе своихъ силъ и способностей. Простыя, воззрѣніемъ добытыя и усвоенные истины считалъ онъ за чистое золото, служащее основаніемъ всего человѣческаго разумѣнія. Здѣсь уже не выпускалъ онъ изъ виду своей завѣтной цѣли — упростить всѣ учебныя пособія до такой степени, чтобы каждый хоть сколько-нибудь образованный человѣкъ, и въ особенности каждая мать семейства могли сами учить своихъ дѣтей и учиться вмѣстѣ съ ними: потому что онъ считалъ раннюю отдачу дѣтей въ школу крайнимъ вредомъ для ихъ умственныхъ и нравственныхъ силъ. Такимъ образомъ въ Станицѣ подъ руководствомъ Песталоцци началась для бѣдныхъ дѣтей спокойная, отрадная жизнь,

---

*) Изложеніе системы Песталоцци слѣдуетъ далѣе.

полная взаимной любви и довѣрія: учене пошло весело. Внѣшній видъ дѣтей, печальный и дикий, измѣнился въ нѣсколько времени къ лучшему. Конечно, дѣло не обходилось и безъ наказаній. Если проступокъ ученика обнаруживалъ грубость нрава или даже безнравственность, то Песталоцци прибегалъ и къ тѣлеснымъ наказаніямъ. Но ни одно изъ наказаній его не озлобляло противъ него наказанного, потому что онъ вскорѣ бралъ виновнаго за руку и цѣловалъ его. «Любезный другъ, пишетъ Песталоцци къ Геснеру, мои удары не могли имѣть дурнаго вліянія на дѣтей, потому что я цѣлый день находился самъ среди нихъ, я всѣго себя имъ пожертвовалъ. Они не могли перетолковать моихъ дѣйствій въ дурную сторону, потому что сердце мое было всегда для нихъ открыто».

Въ началѣ оказались между дѣтьми повальныя болѣзни, коклюшь, лихорадка; но вскорѣ онъ прекратились въ слѣдствіе правильнаго образа жизни и неусыпнаго надзора со стороны Песталоцци. За то гораздо больше заботъ и непріятностей пришлось переносить Песталоцци отъ родителей нѣкоторыхъ вѣренныхъ ему дѣтей. Вообще эти люди какъ - то странно смотрѣли на его занятія: они думали, что онъ изъ бѣдности принужденъ быть принять на себя такую трудную и даже иногда унизительную, по ихъ мыслью, должность, и что они дѣлаютъ ему милость,

оставляя у него своихъ дѣтей. Нѣкоторые требовали отъ него вознагражденія за то, что онъ теперь немогутъ посыпать своихъ дѣтей просить подаянія. Иные приходили къ Песталоцци и, не снимая съ головы шляпы, выражались такъ: ну, мы денька два побождемъ, посмотримъ, что изъ всего этого будетъ. Были такие, которые опять, какъ бывало въ Нейгофѣ, уводили своихъ дѣтей, лишь только на нихъ надѣвали новое платье. Прошло нѣсколько мѣсяцевъ прежде, нежели онъ имѣлъ отраду видѣть благодарныя слезы родителей, понявшихъ всю пользу его безкорыстной дѣятельности. Многіе смотрѣли съ недовѣрчивостью на Песталоцци отъ того, что онъ былъ поставленъ на это мѣсто новымъ правительствомъ, и еще болѣе отъ того, что онъ былъ реформатъ—значить еретикъ, и всѣ негодовали за то, что еретику ввѣreno воспитаніе дѣтей.

Геврихъ Цшокке пишетъ въ своихъ воспоминаніяхъ: «Когда я, по порученію правительства, пріѣхалъ въ Станцъ, весною 1799 года, то никто не хотѣлъ знатьсѧ съ Песталоцци. Его считали за добродушнаго полудурака, или за бѣдняка, которому нечѣмъ другимъ снискивать себѣ пропитаніе. Потому-то я старался обходиться съ нимъ при публикѣ съ особеною предупредительностю и почтеніемъ; нарочно исполнялъ при постороннихъ должность его камердинера, чистилъ его шляпу

или платье; напоминаль ему передъ выходомъ изъ дому, что у него криво застегнуть камзолъ» и т. д. *).

Между тѣмъ война продолжалась въ Швейцаріи. Въ кантоны Ури происходили безпрестанныя стычки Французовъ съ Австрійцами, съ перемѣннымъ счастьемъ. Вдругъ разнесся слухъ по Станцу, что Австрійцы прорвались черезъ Зелисбергъ въ Унтервальденъ. Произошло всеобщее смятеніе. Жители собрали свои пожитки и бѣгутъ въ лѣса. Дѣти, порученные надзору Песталоцци, съ плачомъ бродятъ вокругъ монастыря; онъ самъ раздаетъ имъ все нужное для дороги. Щокке, прибывшій въ это время въ Станцъ, видѣть дѣтей, столпившихся на площади передъ церковью. Слухъ на этотъ разъ оказался ложнымъ, и Щокке могъ успокоить дѣтей и отвести ихъ обратно къ Песталоцци, который между тѣмъ снаряжалъ и остальныхъ къ бѣгству изъ Станца. Но ненадолго успокоились жители Станца. Разбитые Австрійцами Французы двинулись на городъ и заняли монастырь подъ госпиталь для своихъ многочисленныхъ раненыхъ, 8 Июня 1799 г. Песталоцци долженъ былъ распустить въ разныя стороны милыхъ его сердцу питомцевъ, снабдивъ ихъ всѣмъ нужнымъ на до-

---

*) Самосозерданія Щокке. Ч. I, стр. 109.

рого. Только двадцать человѣкъ изъ нихъ остались въ Станцѣ подъ надзоромъ пастора Бузингера. Песталоцци переслалъ въ Луцернъ всю оставшуюся домашнюю утварь сиротскаго дома и передалъ правительству нѣсколько тысяч франковъ, остававшихся у него отъ хозяйства. Самъ же онъ, изнуренный трудомъ, отправился на воды въ Гурнigelъ, въ гористой части Берна, поправлять свое разстроенное здоровье. Недоброжелатели Песталоцци нашли и тутъ возможность перетолковать его поступки въ дурную сторону. Они говорили, что онъ оставилъ должность, соскучившись ею; что онъ вообще человѣкъ нѣ къ чему неспособный, затѣваетъ дѣло и не доводить его до конца; что онъ только и годенъ развѣ писать романы, и что вообще странно поступаетъ правительство, довѣряя пятидесятилетнему старику воспитаніе юношества за то только, что двадцать лѣтъ тому назадъ ему удалось написать дѣльную книгу.

Но вотъ что онъ самъ писалъ объ этихъ обстоятельствахъ въ письмѣ къ Геснеру: «Ты можешь себѣ представить, съ какими чувствами я удалялся изъ Станца. Какъ пловецъ, потерпѣвшій кораблекрушеніе и послѣ долгихъ безшокойныхъ ночей видѣвшій наконецъ передъ собою спокойное пристанище, вдругъ уносится въ море злосчастнымъ вѣтромъ на новыя муки и томленія, такъ и я,

истомленный, принужденъ быть покинуть отрадное убѣжище мое, Станцъ *).

Въ Гурнигель онъ отдохнулъ на время въ домѣ гостепримнаго друга своего Цеендера. Но онъ не могъ долгое время оставаться безъ дѣла. Каждый разъ, какъ онъ съ высоты Альповъ взиралъ на цвѣтущія долины, разстилавшіяся у ногъ его, ему живо представлялся народъ, бѣдствующій отъ недостатка образованія. Всѣ удивились, когда черезъ нѣсколько недѣль увидѣли Песталоцци, возвратившагося въ долины на свое священное служеніе человѣчеству. Министръ Ренггеръ и Штаупферъ обрадовались, увидѣвши его снова въ Бернѣ, и предложили ему отправиться для педагогическихъ занятій въ Бургдорфъ. Черезъ нѣсколько дней онъ былъ уже тамъ. Здѣсь ему предложили мѣсто младшаго учителя въ одной изъ самыхъ незначительныхъ народныхъ школъ **). Песталоцци, чуждый всякаго любочестія, не только не оскорбился этою невидимою должностію, но принялъ за дѣло съ особеннымъ рвениемъ, и вскорѣ пріобрѣлъ большое влияніе на учениковъ. Начальникъ школы сталъ смотрѣть на него косо, предполагая въ немъ опаснаго

*) Сочиненія Песталоцци. V, стр. 17.

**) Въ одной изъ такъ-называемыхъ Lehrgottenschule, где учились дѣти отъ 4 до 8 лѣтъ, обыкновенно подъ руководствомъ женщинъ, читать и писать.

соперника, который мѣтить на его мѣсто, и потому стала распространять между соседями слухи, что новый учитель человѣкъ безграмотный, не умѣеть ни читать, ни писать, ни считать какъ слѣдуетъ; что и нравственность учениковъ подвергается опасности, потому что учитель ничего не прощель съ вами изъ катехизиса. Песталоцци съ неизмѣннымъ своимъ простодушiemъ описываетъ эти слухи въ письмѣ къ Геснеру: «Ты видишь, другъ мой, что въ уличныхъ толкахъ не все бываетъ ложно; дѣйствительно, я не могъ похвалиться красивымъ почеркомъ, выразительнымъ чтенiemъ и навыкомъ въ счислени; но все-таки изъ этихъ толковъ вывели обо мнѣ ужъ слишкомъ дурное заключеніе».

Жители околотка, которыхъ дѣти ходили въ эту школу, стали явно роптать, и Песталоцци былъ переведенъ въ другую, подобную же, на весьма скучное жалованье. При всѣхъ этихъ обстоятельствахъ, Песталоцци не могъ не чувствовать постоянной душевной тревоги; ему все казалось, что и этого мѣста ему придется лишиться, по такимъ же нелѣпымъ наговорамъ, не смотря на то, что онъ, съ обычнымъ своимъ усердiemъ, занимался съ дѣтьми по шести часовъ въ день. «Все это, пишетъ онъ въ одномъ мѣстѣ, дѣлало меня еще неловче въ приемахъ, чѣмъ я былъ на самомъ дѣлѣ; и какъ я сравни жаръ и живую дѣятельность

мою въ Станцѣ, съ робостью, съ которой я какъ поденщикъ работалъ въ Бургдорфской школѣ, то изумляюсь, какъ могли совмѣститься въ одномъ и томъ же человѣкѣ двѣ столь противоположныя личности».

Отвергая всякую теорію и чуждый опытъ, Песталоцци продолжалъ и здѣсь, какъ въ Станцѣ, идти въ преподаваніи путемъ эмпирическімъ. Съ желѣзнымъ терпѣніемъ онъ подбиралъ слоги, испытывалъ на доскѣ огромные ряды чиселъ, чтобы упростить для дѣтей начала чтенія и счисленія. Дабы выработать ихъ произношеніе, онъ заставлялъ ихъ многократно произносить одинъ и тѣ же трудныя, нарочно для того придуманныя фразы, въ то самое время, какъ они отъ руки чертили грифелемъ на доскахъ треугольники, квадраты и другія фигуры. Въ то время, какъ малютки заняты были какимъ-нибудь рукодѣльемъ, онъ задавалъ имъ для решенія въ умѣ ариѳметическія задачи. И здѣсь онъ следовалъ своему коренному убѣждению, что должно исходить въ обученіи отъ *воззрѣнія* *), которое обогащаетъ дѣтскій умъ множествомъ реальныхъ познаній. Онъ убѣжденъ былъ, что нѣть ничего вреднѣе для развитія умственныхъ способно-

*) Онъ принимаетъ *воззрѣніе* не только въ чувственномъ, первоначальномъ значеніи, но вообще какъ *воззрѣніе* умственное, сознаніе того, что постигается всѣми чувствами.

стей, какъ пустое затвержваніе словъ учителя. Такъ постепенно зреяла въ немъ мысль о новой методѣ преподаванія, и по частямъ эту методу уже примѣнялъ онъ въ скромной Бургдорфской школѣ. Не было еще только — *единства, системы*.

Однажды депутатъ отъ правительства, Глеръ, заѣхалъ въ школу и присутствовалъ при урокѣ Песталоцци. Когда Песталоцци со всею подробностію развилъ передъ нимъ особенности своей методы, Глеръ сказаль ему: «такъ, значитъ, вы хотите обратить преподаваніе въ механизмъ?» *) «Вы какъ разъ угадали мою мысль, вы удачно прибрали слово, котораго я не находиль, для обозначенія *идей!*» отвѣчаль ему Песталоцци.

Песталоцци менѣе года занималъ мѣсто учителя въ Бургдорфѣ. Грудь его не вынесла постояннаго напряженія; онъ оставилъ преподаваніе. Истинною отрадою для него въ послѣдніе мѣсяцы его занятій были слѣдующія два обстоятельства. Во-1-хъ, въ школу очень часто приходили родители учениковъ и, слушая его уроки, такъ по временамъ разсуждали между собою вслухъ: «да чему тутъ и учиться! этому мы и сами могли бы научить дѣтей своихъ!» Такой укоръ былъ для Песталоцци лестнѣе всякой похвалы. Онь чувство-

---

*) «Vous voulez donc m caniser l'instruction?»

валь, онъ сознавалъ теперь, что цѣль его дости-
гнута: начальное преподаваніе, по его идеямъ,
сдѣжалось доступно для родителей; школа обраща-
лась въ семью. Второе, весьма важное для его
душевнаго спокойствія, обстоятельство было то,
что 31 Марта 1800 года назначена была прави-
тельствомъ особенная комиссія для испытанія его
методы и экзамена его учениковъ. Комміссія въ
отчетѣ своемъ показала, что метода Песталоцци
во всѣхъ отношеніяхъ достойна похвалы; что уче-
ники оказались вполнѣ развитыми сообразно своему
возрасту; успѣхи ихъ изумительны: каждый мало-
лѣтній оказался къ чему-нибудь способнымъ.

V.

Новая дѣятельность Песталоцци въ Бург- дорфѣ.

Незадолго до того времени, какъ Песталоцци
оставилъ преподаваніе въ Бургдорфской школѣ,
предполагалось открыть въ Бургдорфѣ же учитель-
скую семинарію. Фишеръ, секретарь министра на-
роднаго просвѣщенія, вызвалъ для этой цѣли изъ

Гайса опытного преподавателя Крузи, который привель съ собою въ Бургдорфъ 28 учениковъ изъ прежней своей школы. Фишеръ между тѣмъ умеръ и дѣло готово было остановиться. Въ это время Песталоцци обратился къ Крузи съ предложеніемъ открыть съ нимъ вмѣстѣ воспитательное заведеніе. Тотъ согласился; они немедленно испросили у правительства разрѣшеніе завести училище въ Бургдорфскомъ замкѣ, вызвали себѣ двухъ помощниковъ: Тоблера изъ Базеля и Бусса изъ Тюбингена, и зимою 1800 года открыли свое воспитательное заведеніе. Преподаваніе, подъ руководствомъ четырехъ опытныхъ учителей, пошло весьма успѣшно. Вскорѣ ихъ училище приобрѣло известность и довѣріе не только между родителями средняго сословія, но даже и въ высшемъ классѣ общества. Число учениковъ ежедневно увеличивалось. Преподаваніе шло не по книгамъ — ихъ сознательно отвергали всѣ четыре наставника; окрестная природа и законы человѣческаго мышленія, проявляющіеся въ словѣ, числѣ и формѣ, были постоянно отверзтою книгою для учениковъ и преподавателей. Крузи хотѣлъ — было первоначально ввести сократическую методу, которую ему удавалось съ успѣхомъ употреблять еще въ Гайсѣ; но Песталоцци отклонилъ его отъ этого слѣдующими доводами: «Развѣ ты забылъ, что Сократъ имѣлъ передъ собою юношей и мужей, обладавшихъ богатымъ за-

пасомъ знаній? Нозаборься прежде, чтобы твои ученики пріобрѣли подобный же запасъ, и тогда твои сократические вопросы будуть умѣстны: ученики найдутъ на нихъ здравые отвѣты изъ видѣнаго и слышанаго ими прежде. Повѣрь мнѣ, что, безъ достаточнаго запаса реальныхъ познаній, всякое искусственное вымысливаніе отвѣтовъ отъ учениковъ есть самообольщеніе. Это то же, что молотить солому. Крузи благоразумно согласился съ этимъ мнѣніемъ.

Основное убѣжденіе Песталоцци было слѣдующее: надлежитъ начинать съ простыхъ возврѣній, воспріятій; выводить изъ воспринятыхъ однородныхъ предметовъ общія понятія; изъ понятій образовать новые высшія понятія, постепенно; развивать истину изъ другой истины, ниже ея лежащей. Онъ часто высказывалъ, что въ ходѣ ученія должна быть самая строгая логическая постепенность; что человѣческій умъ обогащается не тѣмъ, что принимаетъ чужія мысли, а тѣмъ, что образуетъ самъ свои понятія, свои заключенія; что онъ, восходя такимъ образомъ все выше и выше, расширяя постепенно свой горизонтъ, подобенъ зерну, въ которомъ зародыши пробиваются сквозь оболочку, лишь только зерно положено въ землю, при такихъ обстоятельствахъ, при которыхъ возможно его развитие.

Взгляды Песталоцци на преподаваніе, которые

онъ высказывалъ доселъ по частямъ, и которые онъ примѣнялъ на дѣлѣ также ощущю, въ свое учительской практикѣ, мало-по-малу слагались въ его умѣ въ нѣкоторую систему, которую наставало время изложить въ сочиненіи, болѣе или менѣе систематическомъ. И дѣйствительно, 1 Января 1801 г. онъ издалъ книгу, пріобрѣтшую почетную извѣстность, какъ и первая его нравоучительная повѣсть. Эта книга носить слѣдующее заглавіе: *О томъ, какъ Гертрудѣ учитъ своихъ дѣтей, или опытъ руководства для женщинъ, какъ имъ самимъ обучать дѣтей своихъ.* Здѣсь всего умѣстнѣе будетъ привести мнѣніе извѣстнаго Германскаго педагога Раумера какъ обь этой книгѣ, такъ и вообще о педагогической методѣ Песталоцци. Вотъ что говоритъ обо всемъ этомъ Раумеръ *): «Заглавіе этой книги не должно вводить читателя въ заблужденіе: менѣе всего эта книга есть руководство для матерей. Сверхъ того, она вся полна внутреннихъ противорѣчій, и потому оцѣнить это сочиненіе вполнѣ можно только разложивъ его на основные его элементы. Нѣть ничего трогательнѣе, какъ тѣ страницы этой книги, гдѣ авторъ говоритъ о стремленіи всей своей жизни помочь бѣдному народу, о своей неспособности удовлетворить этому стремленію, о

*} Исторіи педагогії, стр. 318—332.

множествѣ своихъ ошибокъ и неудачъ и наконецъ о томъ сомнѣніи въ своихъ собственныхъ силахъ, до котораго онъ доведенъ былъ неудачами. Съ какимъ смиренiemъ благодаритъ онъ Бога за то, что Онъ сохранилъ его въ такое время, когда онъ доходилъ до отчаянія, и хотя въ старости открылъ ему лучшую будущность!

«Второй элементъ этой книги — ожесточенная, неукротимая борьба съ предразсудками и порочными сторонами своего времени: здѣсь авторъ съ неумолимою правдивостію громовыми словами изобличаетъ современные пороки. Съ особеною силою нападаетъ онъ на воспитаніе нашего вѣка, лишенное всякихъ основныхъ началъ, и преимущественно въ вышихъ классахъ общества. «Жалкие болтуны (Wortmenschen), — говорить онъ — неестественнымъ ходомъ своего образованія доведенные до того, что они не чувствуютъ, что сами стоять на ходуляхъ, и что въ слѣдствіе этого должны каждый разъ слѣзать со своихъ жалкихъ деревянныхъ подиоръ, если желаютъ съ равною твердостію, какъ и прочій народъ, стоять на землѣ Божіей» *).

Въ другомъ мѣстѣ онъ выражается о томъ же еще сильнѣе: «Въ наше время жертвуютъ сущностью ученія безпорядочной смѣси отдѣльныхъ,

---

*) Гертруда, стр. 248.

разъединенныхъ учений, и начиная свой умъ клочками всякаго рода истинъ, умерщвляютъ въ человѣчествѣ самый духъ истины, заглушаютъ въ немъ всякую самостоятельную силу, опирающуюся на истинѣ. Для меня ясно какъ день изъ ежедневнаго опыта, что отдельные мѣры и средства, употребляемыя при воспитаніи такого рода, не вытекаютъ ни изъ какихъ общихъ началь педагогическихъ. Европа, въ слѣдствіе такихъ способовъ народнаго образованія, должна была погрузиться въ бездну заблужденій, или даже безумія, до кото-раго она дѣйствительно дошла. Съ одной стороны, она поднялась до гигантской высоты въ отдельныхъ искусствахъ, съ другой — потеряла всякую опору въ естественномъ развитіи своего поколѣнія. Въ одномъ отношеніи никакая часть свѣта никогда не стояла столь высоко; въ другомъ — никакая таѣ глубоко не упадала. Какъ истуканъ, котораго изобразилъ намъ Пророкъ, она золотою главой своихъ искусствъ касается облаковъ; между тѣмъ какъ народное образованіе, долженствующее служить подпорой золотой головѣ, подобно ногамъ того исполинскаго кумира, есть жалкая, хрупкая, ничего не стоящая глина» *).

Въ этой несоразмѣрности развитія отдельныхъ

---

*) Гертруда, стр. 273 — 275.

вѣтвей образованія авторъ особенно обвиняетъ книгоиздатаніе: оно сдѣлало взоръ нашъ — буквеннымъ взоромъ, оно сдѣлало человѣка — буквеннымъ человѣкомъ.

Вездѣ нападаетъ онъ на пустое словоизвитіе, на болтовню обо всемъ безъ основательныхъ знаній дѣла. «Пустословіе въ ваше время сдѣлалось неизбѣжнымъ занятіемъ десятковъ, сотенъ тысячъ людей, которые трудятся надъ нимъ, какъ будто изъ насущнаго хлѣба, и потому конца такому состоянію нашихъ современниковъ ожидать нельзѧ, — раньше того времени, когда они захотятъ съ любовью внять тѣмъ истинамъ, которыя противорѣчать ихъ чувственной загрубѣлости. Тамъ, где основными силами человѣческаго духа не даютъ должнаго развитія, а напротивъ заглушаютъ ихъ громкимъ пустословіемъ, — тамъ воспитываютъ только мечтателей, которые тѣмъ сумасброднѣе мечтаютъ, чѣмъ громче и притязательнѣе было пустословіе, заглушившее въ нихъ разумъ. Такимъ питомцамъ мечтается въ ихъ нравственномъ усыпленіи все, кромѣ.... того, что они мечтатели; а бодрствующіе люди и не считаютъ ихъ иначе, какъ лунатиками.»

Такая мечтательная, многорѣчива и лишенная всякихъ разумныхъ основъ, мудрость образуетъ людей, которые во всѣхъ родахъ занятій думаютъ, что достигли цѣли, когда вся ихъ жизнь была не-

утомимая болтовня объ этой цѣли; но въ то же время они ни разу въ жизни не думали принудить себя хотя на шагъ двинуться къ этой цѣли, потому что эта цѣль ни на одну минуту въ жизни не имѣла для нихъ живой превлекательности, безъ которой невозможны человѣческія стремленія. Наше время изобилуетъ такими людьми; мы больны тою мудростью, которая стремить нась къ цѣли познанія только для *формы*, и которая не внушаетъ намъ, что *знаніе* есть само по себѣ *цѣль*.

Въ другихъ мѣстахъ сочиненія, Песталоцци съ прискорбiemъ говорить о тѣхъ правительствахъ, которые остаются равнодушными къ народному благу. «Народъ въ Европѣ, говоритъ онъ, заброшенъ и осиротѣлъ; большая часть тѣхъ, которые стоятъ къ нему достаточно близко, для того, чтобы быть въ состояніи помочь ему, всегда имѣютъ еще какія-нибудь другія важныя дѣла, кроме блага народнаго.»

Отъ этого втораго, полемического элемента книги Песталоцци мы переходимъ къ третьему—положительному, гдѣ объясняется, чѣмъ Песталоцци думать замѣнить современное ложное образованіе. Изъ приведенныхъ полемическихъ мѣстъ его книги можно было бы до некоторой степени заключить, что онъ разумѣеть подъ истиннымъ образованіемъ.

Вотъ что онъ говоритъ о томъ, какъ онъ за-

далъ себѣ и какъ онъ рѣшалъ этотъ вопросъ: «Въ эмпирическихъ моихъ изслѣдованіяхъ обѣ этомъ предметъ я не бралъ за исходную точку никакого положительнаго ученія; я не зналъ ни одного подобнаго, и потому просто задалъ самому себѣ вопросъ: «что бы ты стала дѣлать, еслибы тебѣ пришлось вселить въ твоего питомца всѣ тѣ *познанія* и развить въ немъ всѣ тѣ *практическія способности* *), которымъ ему нужны для удовлетворенія существеннымъ потребностямъ жизни и для внутренняго довольства самимъ собою?»

Очевидно, что существенный предметъ сочиненія суть: *познанія* и *навыки*, особенно если авторъ задалъ себѣ вопросъ: какія познанія и навыки нужны дѣтямъ, и какъ надлежитъ развивать въ нихъ то и другое? Здѣсь дѣло идетъ о чисто-педагогической цѣли и о пути, ведущемъ къ этой цѣли.

Надо сознаться однажды, что о навыкахъ Песталоцци говорить сравнительно очень мало, хотя онъ и высоко ихъ ставитъ. «Самый гибельный даръ, который принесенъ нашему вѣку враждебнымъ гениемъ, суть познанія безъ навыковъ», говоритъ Песталоцци. А между тѣмъ понятіе о навыкахъ и о

---

*) Я перевожу слово *Fertigkeit* выражениемъ *практическія способности*. Собственно оно значитъ *ловкость*, *годность*, *способность* къ какому-нибудь дѣлу, — *навыкъ*.

методъ ихъ развитія было, какъ кажется, не вполнѣ еще ясно въ умѣ автора. :

Съ другой стороны, область познаній вполнѣ извѣдана имъ: показать, въ этомъ отношеніи, *начало, путь и цѣль*—вотъ главная задача сочиненія.

Полемика Песталоцци противъ безоспособнаго словоизвѣстія указываетъ на то, что онъ искалъ и нашелъ эту *основу*, этотъ *реальный корень* дерева, коего *духовнымъ цѣлѣмъ* служить слово.

Альфою всякаго познанія онъ считаетъ *воззрѣніе*; конечною цѣлью—ясное пониманіе. Онъ говоритъ: «Если я оглянусь назадъ и спрошу себя: что сдѣлалъ я существенно-важнаго для человѣческаго образованія? то я найду слѣдующее: я утвердилъ на прочныхъ основавіяхъ высшій законъ преподаванія тѣмъ, что призналъ воззрѣніе за абсолютную основу всѣхъ познаній, и, устранивши отдѣльныя ученія, стремился отыскать сущность и первообразную форму ученія вообще, — такую форму, въ которой сама природа опредѣлила развиваться человѣческому роду» *).

Въ другомъ мѣстѣ Песталоцци предлагаетъ читателю признать за несомнѣнное, что «воззрѣніе есть абсолютная основа всякаго познанія, или, другими словами, что всякое познаніе должно исходить изъ

---

*) Гертруда, стр. 272.

возвращенія и возвращаться къ нему же.» Чѣ же онъ разумѣть подъ возвращеніемъ? «Оно есть не что иное, говорить Песталоцци, какъ простое впечатлѣніе вышнихъ предметовъ на наши чувства, сопровождаемое съ нашей стороны сознаніемъ этого впечатлѣнія» (*Sie ist nichts anders, als das blosse vor den Sinnen stehen der äusseren Gegenstände und die blosse Regemachung des Bewusstseins ihres Eindrucks*, стр. 283). «На наши чувства — сказано у Песталоцци—преимущественно на зрѣніе, потому что это есть чувство преобладающее. Но и слухъ не лишенъ подобныхъ же *возвращеній*.» «Прикосновеніе звуковъ къ уху, говоритъ Песталоцци, сопровождаемое сознаніемъ этого впечатлѣнія, есть для дитяти такое же *возвращеніе*, какъ и появленіе предмета передъ глазами, сопровождаемое сознаніемъ его появленія. *)

Вотъ на какомъ основаніи Песталоцци считалъ необходимымъ довести посредствомъ азбуки до слуха дитяти, лежащаго еще въ колыбели, рядъ звуковъ, служащихъ основаніемъ познаній въ языке; а посредствомъ *Книги для матерей*, изданной имъ въ 1803 году, рядъ видимыхъ предметовъ онъ считалъ нужнымъ довести посредствомъ зрѣнія до сознанія дитяти, уже умѣющаго говорить.

---

*) Гертруда, стр. 288.

Изъ приведенного выше должно слѣдовать, что воззрѣніемъ называется все то, что человѣкъ воспринимаетъ зрѣніемъ и слухомъ. Но неужели Песталоцци исключаетъ другія чувства изъ категоріи воззрѣній? Нѣтъ, онъ часто упоминаетъ о впечатлѣніяхъ, получаемыхъ нами посредствомъ *пяти* чувствъ, и говорить: «Нашъ умъ соединяетъ всѣ впечатлѣнія, доводимыя до его сознанія чувствами, въ одно представление, въ *понятіе*, и потомъ развивается это понятіе до совершенной ясности» (стр. 158). И въ другомъ мѣстѣ: «Механический пріемъ преподаванія долженъ быть подчиненъ вѣчнымъ законамъ, въ силу которыхъ человѣческий умъ *восходитъ отъ чувственныхъ воззрѣній до ясныхъ понятій*» (стр. 135). *)

*) Очевидно, что Песталоцци домогается всѣми силами такъ-называемаго *непосредственнаго знанія*, которое одно только можетъ быть прямымъ, существеннымъ знаніемъ, какъ въ точности соответствующее предмету, или действительности; все прочее будетъ догадка, гипотеза, полузнаніе. Въ этомъ основномъ началь заключается вѣрная мысль какъ въ психологическомъ, такъ и въ педагогическомъ отношеніи. Но не надобно принимать ее въ томъ эмпирическомъ смыслѣ, къ какому она, по-видимому, подаетъ новость. Самъ Песталоцци, конечно, не соединялъ со своимъ положеніемъ мысли, что всѣ наши понятія суть чисто - эмпирическаго свойства и что истинно только то, что происходитъ отъ чувства, или чувствами засвидѣтельствовано. Воззрѣніе его столько же принадлежитъ сфере разума, какъ и опыта. Есть воззрѣнія разума столь же существенные, какъ и воззрѣнія чувственныхъ. Песталоцци желаетъ только, чтобы къ нимъ доходили путемъ самостоятельного

Песталоцци не сколько разъ въ своей книжѣ старается охарактеризовать этотъ процессъ *восхожденія* отъ воззрѣній къ понятіямъ. «Особенное вниманіе, говоритьъ онъ, слѣдуетъ обратить на начальный пунктъ восхожденія — на воззрѣніе. При этомъ слѣдуетъ наблюдать, чтобы дитя видѣло предметы раздѣльно, не въ туманномъ отдаленіи, но вблизи; чтобы ему представлены были для воззрѣнія самые характеристические, не аномальные образцы предметовъ того или другаго рода, но такіе, которые заключаютъ въ себѣ всѣ существенные признаки предметовъ извѣстнаго разряда. Такъ напр. хромой, одноглазый, шестипалый человѣкъ не можетъ быть представителемъ понятія — строеніе человѣческаго тѣла.»

Отъ воззрѣнія предмета проистекаетъ, во-первыхъ, его наименованіе; отъ наименованія мы переходимъ къ опредѣленію его качествъ, т. е. къ описанію предмета; изъ яснаго описанія развивается напослѣдокъ *определение* (дефиниція), т. е. ясное и раздѣльное понятіе о предметѣ.» Послѣднее есть

анализа, чтобы они не были априорическими. И въ этомъ заключается важное педагогическое правило — чтобы ученикъ усвоивъ себѣ всякое понятіе не иначе, какъ въ характерѣ непосредственности, чего нельзя иначе достигнуть, какъ личнымъ наблюденіемъ, какъ начиная съ опредѣленныхъ дѣйствительныхъ явлений и восходя мало-по-малу къ синтезису.

Примѣчаніе перевода.

цѣль и зрѣлый плодъ всякаго преподаванія; зрѣлость такого плода зависитъ существенно отъ полноты силы, участвовавшей въ развитіи сѣмени, т. е. отъ мудрости, съ которой дитя наведено было на воззрѣніе. Определенія, въ основаніи которыхъ не лежать *воззрѣнія*, порождаютъ безосновную образованность».

Едва лишь читатель уразумѣлъ ходъ мыслей Песталоцци, какъ снова путеводная нить пропадаетъ, и мы остаемся въ неизвѣстности касательно *воззрѣній*. Авторъ говоритъ: «Недавно мнѣ пришла мысль, что всѣ наши познанія исходятъ отъ *числа, формы и слова* (стр. 162). И потому искусство преподаванія должно исходить отъ этихъ трехъ основъ: 1) Учить дѣтей смотрѣть на каждый предметъ, доходящій посредствомъ чувствъ до ихъ сознанія, какъ на единицу, т. е. какъ на предметъ отдельный отъ тѣхъ, съ которыми онъ представляется соединеннымъ. 2) Учить ихъ понимать форму каждого предмета, т. е. его мѣру и объемъ. 3) Какъ можно раньше знакомить ихъ со всѣми словами и наименованіями, служащими для определенія познанныхъ ими предметовъ.»

Затруднительно было однакожъ для Песталоцци отвѣтить на вопросъ: почему же всѣ свойства предметовъ, познаваемыя нашими пятью чувствами, не суть такие же основные пункты нашего разумѣнія,

какъ *число*, *форма* и *слово*? Онъ отвѣтываетъ на это: «Всѣ возможные предметы безусловно подпадаютъ подъ категорію числа, формы и слова; но основные качества ихъ, познаваемыя нашими чувствами, распределены между ними такъ, что въ одномъ предметѣ мы находимъ такія-то, въ другомъ — другія.»

Песталоцци, очевидно, имѣлъ въ виду только зримые предметы, когда говорилъ о формѣ, какъ о категоріи, объемлющей всѣ возможные предметы: это доказывается подробнымъ его ученіемъ о формахъ, гдѣ дѣло идетъ объ измѣреніи видимыхъ предметовъ. На самомъ же дѣлѣ, есть множество предметовъ въ природѣ, которые никакъ не подходятъ подъ категорію формы и числа; напр. вкусъ меда, запахъ розы и т. д.

Это возведеніе понятій *формы* и *числа* въ категорическія понятія было поводомъ къ новому способу изложения геометрии и ариѳметики. Геометрія была раздѣлена въ послѣдствіи на ученіе о формахъ и на ученіе о пространствахъ, когда стали обращать вниманіе отдельно на фигуру предмета и отдельно на его величину (математическое качество и математическое количество, Qualität und Quantität). Къ ученію о формахъ Песталоцци присоединилъ рисованіе и въ послѣдствіи чистописаніе.

Что же теперь оставалось дѣлать съ *воззрѣніемъ*, какъ основою познанія, когда Песталоцци,

устранивъ всѣ другія качества предметовъ, возвѣль въ категорію — форму и число? Положимъ, что мы дали въ руки дитяти хрустальный кубикъ; дитя замѣчаетъ въ этомъ предметѣ только *форму*, т. е. что это — кубикъ, да еще *число*, т. е. что это *одинъ* кубикъ: слѣдовательно для него этотъ хрустальный кубикъ не имѣть никакого отличія отъ костяного, деревянного и т. д. Если же мы захотимъ обратить вниманіе на другія качества, какъ-то: цвѣтъ, прозрачность, вѣсъ, дабы вполнѣ узнать и отличить этотъ предметъ отъ подобныхъ ему предметовъ, то мы должны принять не только форму и число, но и другія особенности, постигаемыя чувствами, за элементы чувственного воззрѣнія.

Наконецъ слово не имѣть ничего общаго съ воззрѣніемъ. Почему напримѣръ мы не имѣть самаго полнаго *воззрѣнія* предмета, который для меня не имѣть никакого *названія*, напр. растенія, кото-раго до сихъ поръ ни я, никто другой не видѣлъ, потому и не назвалъ никакимъ именемъ. Языкъ даетъ только выраженіе для чувственныхъ впечатлѣній: въ немъ отражается весь міръ воззрѣній. Песталоцци говорить весьма справедливо *): «Языкъ, какъ эхо, отражаетъ къ намъ впечатлѣнія, которыя

*) Sie ist Rücksicht aller Eindrücke, welche die Natur in ihrem ganzen Umfange auf unser Geschlecht gemacht hat.

природа, во всемъ ея объемѣ, производила на человѣчество.» Но что онъ изъ этого выводить! «Вотъ почему, продолжаетъ онъ, я хочу воспользоваться рядомъ произносимыхъ нами звуковъ, чтобы возбудить въ дитятѣ тѣ самыя впечатлѣнія, которые въ свое время были поводомъ къ образованію тѣхъ звуковъ въ человѣчествѣ. Даръ языка неизмѣримъ. Онъ въ одно мгновеніе даетъ дитятѣ то, что природа дала человѣку въ теченіе тысячелѣтій.» Въ такомъ случаѣ, каждое дитя есть богатый наслѣдникъ всѣхъ предыдущихъ поколѣній, и не имѣть нужды трудиться для пріобрѣтенія подобныхъ сокровищъ: слова—это векселя, по которымъ ему будетъ уплачено наследственный капиталъ. Но природа и исторія протестуютъ противъ такой уплаты. Да и самъ Песталоцци неоднократно протестовалъ противъ нея! «Христіанскіе народы нашей части свѣта, говорить онъ (стр. 218), потому такъ глубоко упали, что въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ данъ слишкомъ большой перевѣсъ *пустымъ словамъ* надъ духомъ человѣка; оттого-то слова не только поглотили собою живыя впечатлѣнія природы, но даже уничтожили въ человѣкѣ всякую воспріимчивость къ этимъ впечатлѣніямъ.» Дальнѣйшее развитіе понятій Песталоцци о языкоученіи показываетъ, что онъ находится въ постоянномъ противорѣчіи съ самимъ собою и слову приписываетъ такую

магическую силу, что оно почти заступаетъ у него мѣсто *воззрѣній*: короче, говоря словами Вольке, «онъ смѣшиваетъ отраженіе предмета въ зеркаль съ самимъ предметомъ.»

Я постараюсь точнѣе изложить это заблужденіе Песталоцци, потому что оно имѣло огромное влияніе на всю его систему преподаванія. Въ преподаваніи языка онъ начинай *съ ученія о звукахъ*; затѣмъ слѣдовало *словоученіе* и наконецъ *языкоученіе*.

1) *Ученіе о звукахъ.* «Азбука, говорить Песталоцци, должна заключать въ себѣ въполномъ объемѣ всѣ звуки, изъ которыхъ состоить языкъ. Въ каждомъ домѣ дитя, начинающее читать склады по книгѣ, или же сама мать, ежедневно надѣ колыбелью еще не говорящаго младенца, должны повторять эти звуки, дабы они черезъ частое повтореніе глубоко укоренились въ его сознаніи, прежде нежели онъ будетъ въ состояніи произнести хотя одинъ изъ нихъ. Никто не можетъ себѣ представить, до какой степени это повтореніе отдѣльныхъ звуковъ: ба, ба, ба, да, да, да, ма, ма, ма, ла, ла, ла, возбуждаетъ внимательность младенца и иравится ему» (стр. 171). Итакъ еще въ колыбели дитя не будетъ имѣть никакой отъ этихъ неотвязныхъ: ба, ба, ба, да, да — хорошая колыбельная пѣсня! «Когда дитя научится говорить, его надо заставлять ежедневно повторять эту вере-

ницу звуковъ. Затѣмъ должно слѣдовать упражненіе въ складахъ.»

2) *Словоученіе* — или скорѣе изученіе именъ. «Въ Книгѣ для матерей приведены, говорить Песталоцци, названія всѣхъ главнѣйшихъ предметовъ міра. Ученіе объ именахъ состоить изъ ряда названій важнѣйшихъ предметовъ изъ всѣхъ царствъ природы, изъ исторіи, географіи, различныхъ человѣческихъ занятій и отношеній. Этотъ рядъ словъ надо предложить ученику для простаго упражненія въ чтеніи, непосредственно послѣ изученія азбуки. Опытъ доказалъ мнѣ, что память дитяти можетъ вполнѣ усвоить себѣ эти названія въ тотъ промежутокъ времени, какой нуженъ ему, чтобы выучиться читать. Усвоеніе памятью такого обширнаго ряда самыхъ разнообразныхъ именъ немовѣрно облегчаетъ для дѣтей дальнѣйшее ученье» (182 и 183). Замѣтимъ, что здѣсь Песталоцци даже не упомянулъ, чтобы дѣти знали поименованые предметы: значить, мѣсто *воззрѣній* заступаютъ слова, пустыя слова.

3) *Языкоученіе*. «Конечная цѣль языка, по мнѣнію Песталоцци *), доводить насъ отъ темныхъ *воззрѣній* до ясныхъ *понятій*, и притомъ слѣдующимъ образомъ: 1) мы узнаемъ предметъ вообще

---

*) 187 стр.

и даемъ ему название, какъ единичному, отдѣльному предмету; 2) постепенно мы замѣчаемъ въ немъ признаки и даемъ этимъ признакамъ название; 3) языкъ даетъ намъ возможность обозначать особенности предметовъ глаголами, нарѣчіями и другими второстепенными частями рѣчи».

Первое, т. е. наименование предметовъ, составляетъ у Песталоцци, какъ мы уже видѣли, предметъ словоученія, и притомъ это наименование проистекало вовсе не изъ познанія предметовъ, а состояло просто изъ именъ отдѣльно взятыхъ.

Когда Песталоцци, при второмъ процессѣ языкоученія, при сознаніи и обозначеніи качествъ признаковъ именами, описываетъ дѣтямъ *уря* *) слѣдующими признаками: *ползающій, червеобразный, толстокожій*, то дѣти доходятъ до познанія объ угрѣ вовсе не возврѣніемъ; они просто запоминаютъ нѣсколько прилагательныхъ къ существительному *урорь*. О томъ процессѣ, которымъ эти прилагательные проистекаютъ изъ самаго воспріятія качествъ, нѣть вовсе и рѣчи.

Еще рѣзче обозначается это устраненіе воз-

*) Уорь — по-немецки *Aal* — есть первое слово въ лексиконѣ, и потому естественно приводится Песталоцци въ примѣръ. Я не считаю нужнымъ замѣнить этотъ примѣръ словомъ, которое у насъ начинавшись бы тоже съ буквы а.

Переводчикъ.

зрѣній тамъ, гдѣ Песталоцци дѣлить все изучаемое на слѣдующія рубрики:

- 1) Землеописаніе.
- 2) Исторія.
- 3) Ученіе о природѣ.
- 4) Естественная исторія.
- 5) Антропологія.

Каждый изъ пяти отдельовъ онъ подраздѣляетъ еще на 40 менышихъ, и такимъ образомъ составляется 200 подраздѣленій. Затѣмъ проводить онъ въ азбучномъ порядке цѣлые ряды именъ предметовъ; заключающихся въ этихъ подраздѣленіяхъ, и совѣтуется частымъ повтореніемъ укоренить ихъ «до незабвенностіи» въ памяти учениковъ. Затѣмъ надлежитъ привести эту азбучную номенклатуру въ «наукообразную». «Я не знаю, говорить Песталоцци (стр. 198—200), нужно ли объяснять этотъ способъ примѣрами; по моему, это почти излишнее; впрочемъ, по новости такого приема, я сдѣлаю это. Напримѣръ: одно изъ подраздѣленій Европы есть Германія. Сперва заставимъ дѣтей какъ можно лучше затвердить общее подраздѣленіе Германіи на десять округовъ; затѣмъ пусть они читаютъ названія всѣхъ городовъ Германіи въ азбучномъ порядке; по предварительно при каждомъ имени города надо поставить цифру того округа, въ которомъ этотъ

городъ находится. Когда дѣти въ состояніи будуть бѣгло читать имена всѣхъ городовъ, имъ надо показать связь между цифрами, при нихъ поставленными, и тѣмъ первымъ раздѣленіемъ Германіи на округи. Въ слѣдствіе этого, черезъ иѣсколько часовъ дѣти будутъ въ состояніи называть всѣ города въ Германіи съ указаніемъ округовъ ея, когда имъ предложатъ таблицу въ родѣ слѣдующей:

Ахенъ	8	Альткирхенъ	7
Ааленъ.	3	Альтона	10
Абенбергъ	4	Альторфъ.	1
Абертанъ.	11	Альтранштедтъ.	9
Акенъ	10	Альтвассеръ	13
Адерсбахъ	11	Альвердиссенъ	8
Аглеръ.	1	Арбергенъ	10
Алленбахъ	5	Эгримонтъ *).	8
Аллендорфъ.	5	Ала.	1
Аллерспергъ	2	Альтенау	10
Альшауфенъ	3	Альтенбергъ	9
Альслебенъ	10	Альтенбургъ	9
Альтбунцлау	11	Амбергъ	2
Альтена.	8	Амбрасъ	1
Альтензальце	10	Амѣнбургъ.	6
Андернахъ.			6

*) Aigremont.

Глядя на такую таблицу, дѣти должны читать:

Ахенъ лежить въ Вестфальскомъ округѣ.

Абенбергъ — во Франконскомъ округѣ.

Акенъ — въ Нижне-Саксонскомъ округѣ и т. д.

Очевидно, что такимъ образомъ ученикъ будетъ въ состояніи, при первомъ взглядѣ на цифру или на значекъ, опредѣлять, въ какому разряду и подраздѣленію предметовъ относится слово, находящееся въ алфавитномъ строѣ, и будетъ обращать тѣмъ самымъ азбучный порядокъ въ научообразный.» Такой учебный пріемъ не стоитъ опроверженія *).

Далѣе (стр. 202 и 203) слѣдуетъ руководство, «какимъ образомъ еще яснѣе представлять сущность, качества и силы всѣхъ предметовъ, до сознанія которыхъ мы довели дѣтей затверживаніемъ именъ существительныхъ и прилагательныхъ.» Для этой цѣли мать должна прочитывать дѣтямъ и заставлять ихъ повторять за собою различные предложения. Между ними попадаются выраженія, вовсе непонятныя дѣтямъ, напр.: «заимодавецъ долженъ быть

---

*) Взглянувъ на перечень географическихъ имёнъ, мы тотчасъ же встрѣчаемъ самая пичужная мѣсточки: Абертанъ, Ала и пр. Изъ 31-го названія едва ли вѣрь заслуживаютъ внесенія въ географический учебникъ. О картахъ тутъ нѣть и рѣчи.

довлетворенъ», «право должно имѣть дѣйствіе» и другія.

Все это упражненія въ рѣчахъ, не основанныхъ на *воззрѣніи*.

Мы видѣли уже, что Песталоцци хотѣлъ обратить особенное вниманіе на то, чтобы преподаваніе начиналось съ чувственныхъ воззрѣній и доводило ученика до ясныхъ и раздѣльныхъ понятій. Онъ говорилъ: «Мы ослѣплены магическимъ дѣйствіемъ языка до того, что, произнося слова, мы не соединяемъ съ ними воззрительного понятія.» Онъ возставалъ противъ «всякаго ученія, внушеннаго, изъясненнаго, анализированаго людьми, которые сами не научились мыслить и говорить сообразно съ законами природы», — ученія, «въ которомъ дефиниціи, какъ *deus ex machina*, появляются въ умѣ какимъ-то волшебствомъ и подсказываются дѣтскому уху будто театральнымъ суплеромъ», — ученія, «которое даетъ людямъ жалкое комедіантское образованіе.» Песталоцци самъ постоянно возставалъ противъ «дефиницій, не основаныхъ на воззрѣніи». «Дефиниціи, говорить онъ, служать самыми простыми и чистыми выраженіемъ для ясныхъ понятій; но они только тогда имѣютъ для ученика дѣйствительное значеніе истины, когда

онъ самъ сознаеть ихъ основу — чувственное воззрѣніе; но если ему не достаетъ въ этомъ отношеніи надлежащей ясности, то онъ, затверживалъ дефиницію, пріучается только къ пустословію, обманываетъ самъ себя, принимая звуки за понятія. *Hinc illae lacrimae* — оттуда всѣ наши бѣдствія!»

Нельзя не сочувствовать всѣмъ этимъ здравымъ убѣжденіямъ Песталоцци. Но если приложить тотъ же самый масштабъ къ методѣ Песталоцци, то она окажется въ явномъ противорѣчіи съ его убѣждѣніями. Не съ воззрѣній начинаетъ онъ, а съ номенклатуры: существительные имена взяты имъ вмѣсто *воззрѣнія* вещей, прилагательные — вмѣсто *воззрѣнія* качествъ. Начиная со словъ, а не съ воззрѣній, Песталоцци тѣмъ самымъ свою полемику противъ пустословія обращаетъ — и противъ своей методы.

Мы были въ правѣ ожидать отъ Песталоцци наставлений въ двухъ отношеніяхъ: во-первыхъ — какъ упражнять внѣшнія чувства дѣтей и дѣлать ихъ способными къ ясному воспріятію впечатлѣній отъ внѣшнихъ предметовъ; во-вторыхъ — какъ доводить дѣтей до яснаго выраженія словами воззрѣній, пріобрѣтаемыхъ чувствами.

Песталоцци даетъ намъ въ этомъ отношеніи некоторые намеки, въ особенности касательно ме-

тодического изученія природы. «Не въ лѣсъ, не на лугъ, говоритъ онъ (стр. 316), надо вести дѣтей для изученія растеній и травъ, потому что деревья и травы расположены здѣсь не въ такомъ порядкѣ, который наиболѣе способенъ указать существенные отличія каждого рода и вида; тутъ нельзѧ отъ первого воспріятія довести ученика до полнаго пониманія предмета.» Меня слишкомъ далеко завело бы отъ моей цѣли, еслибы я захотѣлъ опровергать это; при всемъ желаніи не могу прибрать лучшаго слова — это методическое педантство, противъ котораго вооружается здравый вкусъ, чувствующій живую красоту природы.

Но если въ разбираемой нами книжѣ: *Какъ Гертруда учитъ дѣтей своихъ*, мало высказано о развитіи въ дѣтяхъ вышнихъ чувствъ и способности выражаться, то Песталлоци указываетъ намъ въ этомъ отношеніи на *Книгу для матерей*.

Основная мысль Песталлоци, что ученіе дитяти должно начинаться съ ближайшихъ къ нему предметовъ, повела автора къ слѣдующему заключенію: такъ какъ ближайшій для дитяти чувственный предметъ есть его тѣло, то преподаваніе должно начинать съ разсмотрѣнія устройства тѣла. «Книга для матерей» описываетъ тѣло и всѣ его члены и всѣ части членовъ въ отдѣльности. Немвогіе — я не говорю о врачахъ — могутъ съ такою подробностію

узнать строеніе своего тѣла, какъ должны знать дѣти, по указанію Песталоцци; немногіе также поймутъ, что значить напримѣръ слѣдующее выраженіе: «Среднія косточки указательныхъ пальцевъ прилегаютъ съ вѣнчаной стороны къ суставамъ этихъ пальцевъ, между задними и средними ихъ частями» и т. д. Мать должна прочитывать съ дитятей эту книгу отъ слова до слова, съ постояннымъ указаниемъ на тѣло дитяти. Нельзя не видѣть, какъ неудачно выбралъ Песталоцци человѣческое тѣло для изощренія внимательности дѣтей и ихъ способности выражать свои мысли. И вообще всѣ такъ-называемыя возврительныя упражненія Песталоцци и его послѣдователей были не болѣе какъ упражненія въ фразеологии: дѣти затверживали слова и выраженія, а до яснаго пониманія предметовъ не доходили. Тотъ, кто вчера видѣлъ человѣка, и можетъ сегодня по памяти нарисовать его фигуру; тотъ, кто вчера слышалъ мелодію и можетъ сегодня пропеть ее; тотъ, кто вчера отвѣдалъ уксусу и у кого сегодня отъ одного воспоминанія объ этомъ покосилось лицо, — тотъ обладаетъ самыми лучшими возврѣніями, хотя бы онъ и не въ состояніи былъ выразить ихъ словами.

Песталоцци и его послѣдователямъ никогда не удавалось произвести въ своихъ ученикахъ подобныхъ возврѣній.

Въ заключеніе своей книги Песталоцци задаетъ себѣ вопросъ: «Какое отношеніе имѣть богопочитаніе къ тѣмъ основоположеніямъ, которыя я признаю за истинныя въ отношеніи къ развитію всего человѣческаго рода вообще?»

Довольно трудно слѣдить за ходомъ мыслей автора, когда онъ даетъ отвѣтъ на этотъ вопросъ. Общая мысль здѣсь та, что все высшее въ человѣкѣ проистекаетъ изъ отношенія матери къ дѣтямъ. Любовь, довѣріе, благодарность къ матери развивается въ дитяти, и потому, по внушеніямъ матери, тѣ же чувства устремляются къ Богу.

Это считаетъ Песталоцци единственнымъ путемъ развитія набожности: при этомъ онъ предполагаетъ въ матери ангельски-чистую душу, и по началу своему вполнѣ непорочнаго младенца. Мать хранить подъ своимъ пѣжнымъ крылышкомъ дитя свое даже и тогда, когда, вступивъ въ испорченный свѣтъ, онъ бываетъ соблазняемъ на злое.

Значить, по понятіямъ Песталоцци, сироты, лишившися въ раннемъ дѣствѣ матери, должны бы оставаться вовсе безъ религіознаго воспитанія. Объ отцѣ вовсе не упоминается; одинъ только разъ сказано, что онъ, будучи занятъ своимъ дѣломъ, не можетъ заботиться о дѣтихъ.

Короче, мать представлена посредницей между Богомъ и дитятей. Но ни одного слова не упомя-

шут о томъ, что она сама нуждается въ посредникѣ. Что мать есть христіанка, членъ церкви, что она внушаетъ дитяти то, чему она сама, какъ членъ церкви, была наставлена, объ этомъ нигдѣ не упомянуто. Мать почерпаетъ богословіе изъ собственнаго своего сердца. Впрочемъ, вся жизнь Песталоцци указываетъ, какъ несправедливо было бы заключать о недостаткѣ религіозности въ немъ самомъ по его шаткой теоріи, высказанной въ послѣдніхъ главахъ этой книги.

Узнавъ содержаніе сочиненій, задуманныхъ и написанныхъ въ Бургдорфѣ,—сочиненій, заключающихъ въ себѣ коренные истины педагогіи, высказанныхъ съ изумительною ясностію, на ряду съ педагогическими заблужденіями, весьма занимательно было бы знать, какова была дѣятельность Песталоцци какъ учителя и директора Бургдорфскаго училища. Нашей любознательности вполнѣ удовлетворить небольшое, но въ высшей степени правдиво написанное сочиненіе Рамзауера, бывшаго съ дѣтства ученикомъ Песталоцци въ Бургдорфѣ, и въ послѣдствіи прислужникомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ учителемъ въ его институтахъ *).

---

*) Когда Песталоцци самъ разсказываетъ о своемъ преподаваніи, то онъ весьма часто смеется то, что онъ хотѣла сдѣлать, съ тѣмъ, что выполняла на самомъ дѣлѣ. Примѣчаніе Раумера.

Рамзауеръ, сынъ бѣднаго ремесленника въ Герисау, въ кантонѣ Аппенцель, будучи 10 лѣтъ отъ роду, былъ отправленъ въ 1800 году, съ толпою другихъ 44 мальчиковъ того же возраста, искать пропитанія въ другихъ болѣе богатыхъ кантонахъ Швейцаріи, какъ это часто дѣлаютъ простолюдины Швейцаріи и до сихъ-поръ. Въ мѣстечкѣ Шлейменъ, недалеко отъ Бургдорфа, Рамзауеръ былъ принятъ подъ покровительство одною сострадательною женщиною, и оказавшись мальчикомъ съ хорошими способностями, былъ посланъ ею учиться въ Бургдорфскую школу. Въ этой школѣ учителемъ былъ Песталоцци. Вотъ простодушный разсказъ Рамзауера о Песталоцци и его преподаваніи:

«Школьнымъ образомъ, собственно говоря, мы тамъ ничему не учились; но возвышенная ревность Песталоцци, его самоотверженная привязанность къ дѣтямъ, и наконецъ очевидное даже для дѣтей стѣсненное его положеніе, произвели на меня глубокое впечатлѣніе, и привязали къ нему навѣки мое дѣтское сердце. Оттого, когда моя благодѣтельница, госпожа Верть, отправляясь на зиму въ Бернъ, предложила мнѣ на выборъ —ѣхать съ нею или остаться въ Бургдорфѣ у Песталоцци,— я немедленно выбралъ послѣднее. Полную картину Бургдорфской школы я не въ состояніи воссоздать теперь: опишу что помню. Въ этой школѣ

ль, по идѣи Песталоцци, преподаваніе должно было вращаться на трехъ основахъ: слова, числа и формы. Школьной программы, въ собственномъ смыслѣ, не было; не было и распределенія уроковъ, почему Песталоцци и не стѣснялъ себя предѣлами времени, а занимался однимъ и тѣмъ же въ теченіи двухъ-трехъ часовъ. Насъ было у него до 60 человѣкъ, мальчиковъ и девоочекъ, отъ 8 до 15 лѣтъ. Занимались мы утромъ отъ 8 до 11 часовъ, и послѣ обѣда съ 2 до 4. Преподаваніе ограничивалось рисованіемъ, счислениемъ и упражненіями въ языкѣ.

Насъ не занимали ни чтеніемъ, ни письмомъ; оттого-что у насъ не было ни книгъ, ни тетрадей; наизусть мы тоже не затверживали никакихъ отрывковъ, ни свѣтскаго, ни духовнаго содержанія. Для рисованія намъ не раздавали ни оригиналовъ, ни какихъ-либо особенныхъ къ тому принадлежностей; было только мѣль да доски, и въ то время какъ Песталоцци вслухъ говорилъ намъ предложенія изъ естественной исторіи (для упражненія въ языке), мы должны были рисовать, *что что хочетъ*. Но мы не знали, что намъ рисовать, и потому одинъ рисовалъ домики, другой человѣчковъ, третій чертилъ просто палочки, словомъ — рисовали все, что вздумается. Впрочемъ, Песталоцци никогда и не глядѣлъ, что мы тамъ нарисуемъ или

лучше, намараемъ; но по платью нашему и особенно по рукавамъ могъ бы всякий замѣтить, что мы усердно занимались рисовкой *).

Для счислений садились мы по двое, и передъ каждою парою была табличка, наклеенная на папку. На этой табличкѣ были квадратики съ точками; эти точки мы должны были складывать, дѣлать надъ ними вычитаніе, умноженіе и дѣленіе. Но какъ Песталоцци обыкновенно заставлялъ только повторять за собою по порядку, что онъ скажетъ, а никогда ничего не задавалъ и не спрашивалъ, то эти упражненія, какъ ни хороши они были сами по себѣ, приносили мало пользы. Къ тому же онъ не былъ достаточно терпѣливъ для того, чтобы заста-

*.) Кто знакомъ съ развитіемъ методы Песталоцци, тотъ, конечно, помнитъ, что этотъ способъ рисования употреблялся бывъ и въ первые годы существованія Бургдорфскаго института: и тамъ ученики рисовали фигуры по произволу. Упражненія этого рода были поручены мнѣ, и я, чтобы дать ученикамъ какое-нибудь руководство, составилъ 96 фигуръ для постепенного обученія рисованію. Съ 1800 по 1804 годъ, я показывалъ ихъ обыкновенно всѣмъ посѣтителямъ института, и труднѣйшая изъ нихъ должна была рисовать отъ руки въ альбомъ пріѣзжимъ, за что мнѣ, тогда еще бѣдному прислужнику, перепадалъ лиший гульденъ. Моя рисунки расходились въ альбомахъ по всей Европѣ. Въ Бургдорфѣ мы никогда не рисовали на бумагѣ, но постоянно на доскахъ. Я бывъ, кажется, изъ первыхъ, который удостоился чести рисовать на бумагѣ, и живо помню, съ какимъ невыразимымъ наслажденіемъ купилъ я себѣ на трудовые деньги первый карандашъ.

Примѣч. Рамзауера.

вить повторить, или задать вопросъ, и при всемъ рвениі, съ которымъ онъ преподавалъ, казалось, не заботился ни объ одномъ ученикѣ. Лучше всего шли у насть упражненія въ языкѣ, по-крайней-мѣрѣ тѣ, которыя Песталоцци производилъ наядъ обоими классной комната: это были дѣйствительно *воззрителныя* упражненія. Обои были очень старыя и во многихъ мѣстахъ разорванныя; передъ ними-то стояли мы въ рядъ въ теченіе 2, 3 часовъ и должны были говорить предложеніями о всемъ, что замѣчаемъ на обояхъ, о всѣхъ рисункахъ, прорѣхахъ; о числѣ, цвѣтѣ, фигурѣ видимаго нами. Дѣло шло такъ: Песталоцци обыкновенно начиналъ вопросомъ: «Мальчуганы, что вы тутъ видите?» (Къ девочкамъ онъ никогда не обращался).

Отвѣтъ:

Диру на стѣнѣ.

Прорѣху на стѣнѣ.

Песталоцци.

Хорошо! Теперь повторяйте за мной:

Я вижу прорѣху на обояхъ.

Я вижу длинную прорѣху на обояхъ.

За прорѣхою я вижу стѣну.

За длинною узкою прорѣхою я вижу стѣну.

Или опять начинай Песталоцци такъ:

Говорите за мною:

Я вижу фигуры на обояхъ.

Я вижу черные фигуры на обояхъ.

Я вижу круглые черные фигуры на обояхъ.

Я вижу четырехугольную желтую фигуру на обояхъ.

Возле четырехугольной желтой фигуры я вижу круглую черную.

Четырехугольная фигура соединяется съ круглою посредствомъ толстой черной черты, и т. д.

Менѣе достигали цѣли своей тѣ упражненія, гдѣ предметы взяты были изъ естественной исторіи, и при которыхъ мы должны были рисовать, какъ я уже упоминалъ выше. Песталоцци говорилъ, а мы за нимъ:

Амфибіи. Ползающія амфибіи.

Пресмыкающіяся амфибіи.

Обезьяны. Хвостатыя обезьяны.

Безхвостыя обезьяны, и т. д.

Изъ всего этого мы не понимали ни одного слова: потому-что намъ ни слова не объясняли, и притомъ это говорилось на-распѣвъ, и такъ невнятно, такъ скоро слѣдовали одна фраза за другою, что удивительно было бы, если бы кто-нибудь что понялъ или чому научился. Притомъ же Песталоцци кричалъ такъ оглушительно-громко, что самъ не могъ разслышать, чтò мы за нимъ повторяли; а если бы могъ, то никогда не выслушивалъ, а про-

говоривъ одно предложеніе, тотчасъ начинай другое, — и такъ безостановочно прочитывалъ цѣлую страницы. То, что онъ намъ читалъ, было написано на полулистѣ огромной папки, и все повтореніе наше состояло или изъ послѣднихъ словъ или даже изъ послѣднихъ слоговъ: яны, яны, обезьяны, обезьяны. Вопросовъ и отвѣтовъ не было.

Такъ какъ рвение Песталоцци не знало предѣловъ времени, то обыкновенно одно и то же повторялось съ 8 до 11 часовъ, и въ 10 часовъ уже Песталоцци былъ весь въ поту и хрипѣль. Что 11 уже пробило, мы замѣчали всегда по бѣготкѣ на улицѣ школьниковъ изъ другихъ классовъ, и обыкновенно тотчасъ же вскакивали и мы, не дожидая позволенія. Хотя Песталоцци всегда настроено запрещалъ своимъ помощникамъ употреблять тѣлесныя наказанія; но самъ онъ въ этомъ отношеніи не стѣснялся въ нашей школѣ и частенько раздавалъ пощечины па-право и па-лево. Впрочемъ, надо призваться, что большая часть учениковъ нашей школы сильно досаждали ему, такъ что я душевно сожалѣль о немъ, и потому старался вести себя какъ можно скромнѣе. Это онъ вскорѣ замѣтилъ, и за то бралъ меня иногда съ собою прогуляться въ 11 часовъ. Въ хорошую погоду онъ обыкновенно ходилъ со мною къ рѣкѣ, гдѣ онъ для отдыха и развлеченія собиралъ камышки. Онъ

заставлялъ и меня дѣлать то же, но я не зналъ, какіе братъ, потому-что ихъ были на берегу миллионы. Онъ и самъ, впрочемъ, зналъ въ нихъ мало толку, но каждый день приносить домой полные карманы и платокъ камней, сваливалъ гдѣ-нибудь кучу и забывалъ о нихъ. Эту страсть имѣлъ онъ во всю свою жизнь, и наконецъ во всемъ Бургдорфскомъ институтѣ пельзя было найти у воспитанниковъ платка, не прорванного въ нѣсколькихъ мѣстахъ отъ переноски камней.

Одно, хотя и не важное обстоятельство, сильно врѣзалось мнѣ въ память. Когда я въ первый разъ вошелъ въ школу Песталоцци, онъ поздоровался со мною ласково и поцѣловалъ меня; потомъ быстро указалъ мнѣ мое мѣсто и ни слова не говорилъ со мною во все утро, а постоянно безостановочно читаль намъ вслухъ фразы. Такъ какъ я въ нихъ ровно ничего не понималъ, а слышалъ только въ концѣ фразы: *обезьяна, обезьяна*, — и такъ какъ Песталоцци былъ очень некрасивъ со-бою, и притомъ одѣтъ небрежно: безъ галстуха, безъ сюртука, около рукъ мотались незастегнутые рукава рубашки, и вдобавокъ онъ страшно суетился, кричалъ, — то просто на меня напалъ ужасъ; я готовъ былъ думать, что онъ самъ — обезьяна. Первые дни въ школѣ я какъ-то невольно боялся Песталоцци, и особенно отъ того, что, поцѣловавъ

меня при первой встречѣ, онъ укололъ меня своей жесткой, небритой бородой. Это былъ первый поцѣлуй, который, сколько я помню, получилъ я въ жизни. Онъ имѣлъ для меня что-то ужасное, вотъ по какому обстоятельству: когда я былъ еще очень малъ, передъ нашимъ домомъ два Француза затѣли дуэль и тяжело ранили другъ друга. Лежа на землѣ, они обнялись и поцѣловались въ знакъ примиренія. Моя мать, смотрѣвшая доселѣ хладнокровно на эту сцену, увидя поцѣлуй, закричала въ ужасѣ: «вотъ Гудинъ поцѣлуй!» И съ тѣхъ поръ я со словомъ *поцѣлуй* соединялъ понятіе чего-то ужаснаго, коварнаго. Впрочемъ, я скоро разувѣрился, потому-что Песталоцци часто цѣловалъ учениковъ». (Рамзауеръ, стр. 1—1, 6, 11).

Въ концѣ 1800 года, — продолжаетъ Рамзауеръ — Песталоцци, оставивъ городскую школу, переселился въ Бургдорфскій замокъ, гдѣ вмѣстѣ съ *Крузи*, *Тоблеромъ* и *Бусомъ* открылъ свой институтъ. Я былъ *первымъ*, по времени вступленія, воспитанникомъ въ его новомъ институтѣ, и, по бѣдности моей, воспитываясь даромъ, долженъ былъ исполнять нѣкоторыя домашнія работы наравнѣ съ прислугою. Это собственно и было главное мое назначеніе; учиться я могъ только урывками, исполнивъ все нужные работы; но, еъ счастію, во мнѣ было столько любознательности, что я, не смо-

тра на усталость, пользовался каждой свободной минутой для ученья. Грустно мнѣ было только тогда, когда въ ясный лѣтній день толпа учениковъ, въ сопровождѣніи учителей, шумно сбѣгала съ горы купаться въ рѣчкѣ, протекавшей у подошвы замка,— а я съ другими слугами долженъ былъ оставаться дома или работать на кухнѣ, или лазить въ погребъ— невольно бывало заплачешь; но я благодарю теперь Бога за то, что рано привыкъ въ послушанію, къ полезной дѣятельности и къ ограничению своихъ желаній».

За тѣмъ Рамзауерь разсказываетъ, какъ онъ, 12 лѣть отъ роду, исполнная трудную обязанность слуги, до такой степени успѣлъ въ наукахъ, что Песталоцци поручилъ ему классъ изъ 30 учениковъ, которыхъ онъ долженъ былъ учить читать, писать, считать и рисовать.

Песталоцци особенно дружески обходился съ нимъ и отличалъ передъ прочими учителями особыеннымъ довѣріемъ. «Песталоцци, какъ я уже упоминалъ, говорить Рамзауерь, строго запрещалъ учителямъ наказывать учениковъ тѣлесно, и хотя самъ не всегда воздерживался отъ этого, за то бывалъ такъ неостороженъ, что при ученикахъ бранилъ за это учителей. Разъ одинъ изъ учениковъ, гордый, дерзкий, родомъ Испанецъ, сдѣлалъ грубость одному изъ старшихъ учителей. Я не вытер-

пѣль, и ударилъ его по щекѣ. Въ это время вошелъ въ классъ Песталоцци, и проворчавъ что-то сквозь зубы, не говоря мнѣ ни слова, поспѣшилъ прошель мимо. Я однакожъ пошелъ за нимъ самъ, и объяснилъ ему, что ученикъ вполнѣ достоинъ бытъ наказанія. Песталоцци почти со слезами сказалъ мнѣ: «Милый Рамзауерь! ты отнялъ у меня послѣднюю радость — думать, что хоть ты обходишься съ учениками психологически».

Впослѣдствіи я спросилъ однажды Песталоцци, отчего онъ только одного меня не бранить при ученикахъ. Онъ отвѣчалъ шутливо: «Да вѣдь ты еретикъ, вѣдь ты убѣжишь отъ меня, если я тебя стану бранить.»

Жизнь въ Бургдорфскомъ институтѣ имѣла чисто семейный характеръ. Песталоцци, его жена и невѣстка, вдова единственного его сына, рано умершаго, были постоянно въ кругу учениковъ.

Помощники Песталоцци съ такою же неутомимостію трудились надъ преподаваніемъ, какъ и онъ самъ, и плодомъ ихъ взаимныхъ усилий было изданіе двухъ руководствъ: 1) *Азбука воззрѣнія или ученіе воззрительному измѣрять предметы* и 2) *Руководство къ воззрительному счислению*. Эти книги были составлены учителями по указаніямъ Песталоцци; третью — *Книгу для матерей*, написалъ онъ самъ. Эти сочиненія и въ особенности *«Какъ Гер-*

труда учитъ дѣтей», склонили многихъ родителей отправить своихъ дѣтей въ институтъ Песталоцци. Этому же способствовалъ и лестный отзывъ о заведеніи, представленный правительству въ 1802 году деканомъ *Итомъ*. Институтъ былъ признанъ публичнымъ воспитательнымъ заведеніемъ и учителямъ было положено небольшое жалованье отъ правительства.

Вотъ еще нѣсколько подробностей объ институтской жизни, переданныхъ намъ Рамзауеромъ.

«Сверхъ азбуки возрѣнія, рисованія и ариѳметики, учили насъ и пѣнію. Еще прежде основанія института и нѣкоторое время послѣ того, приходили въ замокъ ежедневно человѣкъ сорокъ учениковъ, мальчиковъ и дѣвочекъ, изъ Бургдорфской городской школы. Тамъ, въ длинномъ коридорѣ, ставши попарно, мы маршировали подъ звуки хора, которымъ дирижировалъ Бусь. Это было для насъ высшее удовольствіе, въ особенности, когда классомъ пѣнія стала завѣдывать Неefъ, человѣкъ въ высшей степени оригиналъ.

Неefъ большую часть своей жизни пробылъ въ военной службѣ на мысѣ Доброй Надежды; былъ силачъ, огромнаго роста, любившій до страсти военную дисциплину, — и въ то же время самъ — олицетворенное добродушіе. Когда, бывало, построивъ попарно отъ 60 до 80 мальчиковъ, онъ,

маршируя со всеми военными ухватками, запоеть звучнымъ голосомъ какую-нибудь народную швейцарскую пѣсню, и мы подхватимъ ее хоромъ—тогда оживлялся весь домъ. Что пѣсни эти способны были воодушевить юность, можно было поручиться. Мы шли напримѣръ: «Нѣтъ, никогда, передъ твою шляпой, не преклонить головы своей Вильгельмъ Телль!» и прочее.

Вообще пѣніе было для насъ постояннымъ развлечениемъ: мы шли всюду, и на прогулкахъ и дома, особенно по вечерамъ. Пѣніе водворяло какое-то особенное единодушие между учениками. О Неефѣ я долженъ еще замѣтить, что, не смотря на свою строгую наружность, онъ былъ любимымъ нашимъ учителемъ: потому-что онъ былъ преданъ намъ всею душою, и самъ чувствовалъ себѣ между нами какъ бы въ своей семье. Онъ многое видѣлъ на своемъ вѣку, многое испыталъ, рассказывалъ обѣ этомъ просто, искренно, съ особленною теплотою и простодушиемъ; онъ игралъ съ нами, маршировалъ, гулялъ, купался, лазилъ по скаламъ, бросаль съ нами въ воду камышки—словомъ: жилъ нашимъ жизнью, и потому имѣлъ неограниченную власть надъ нами. При всемъ этомъ, онъ не былъ педагогомъ: онъ имѣлъ только сердце педагога.

Замѣчу вообще, что въ первые годы существованія Бургдорфскаго института, жизнь тамошняя

имѣла всю привлекательность простой семейной жизни. Строгаго расписания учебныхъ часовъ не было, и если, бывало, послѣ завтрака ученики въ хорошую погоду съ особеннымъ удовольствиемъ играютъ на дворѣ, то Песталоцци это такъ нравилось, что онъ дозволилъ, сверхъ положеннаго получаса, играть еще лишній часъ. А въ лѣтніе вечера, послѣ купанья, мы рѣдко занимались уроками; чаще водили насъ съ 8 до 9 часовъ гулять, собирать растенія и камни».

Въ 1803 году новое Швейцарское правительство было низложено Наполеономъ, и опять было введено прежнее кантональное управление. Бургдорфскій замокъ приказано было очистить для помѣщенія одного важнаго правительственнаго лица, и Песталоцци перѣѣхалъ со своими учениками въ Мюнхенъ-Бухзее.

Но какъ новое помѣщеніе представляло неудобства во многихъ отшатніяхъ, то Песталоцци поручилъ свой институтъ надзору Фелленберга, молодаго, но уже опытнаго педагога изъ сосѣдняго мѣстечка, самъ отправился искать въ окрестныхъ городахъ болѣе удобнаго помѣщенія для своего заведенія. Среди очаровательной мѣстности, на берегу озера онъ нашелъ старинный замокъ Иверденъ, построенный еще Карломъ Смѣлымъ. Сюдѣто, по соглашеніи съ городскими властями, Песталоцци перевѣзъ институтъ въ 1805 году.

VI.

Европейская известность Ивердёнского института.

1805 — 1810 г.

Объ этомъ періодѣ славы и всеобщей Европейской известности Песталоцци мы имѣемъ такое множество свидѣтельствъ очевидцевъ, что скорѣе изобиліе матеріаловъ, нежели недостатокъ ихъ, можетъ затруднить составителя біографического очерка Песталоцци. Лучшую характеристику Ивердёнской жизни все-таки оставилъ намъ Рамзауерь, который до 1816 года былъ неразлучнымъ помощникомъ своего воспитателя. За тѣмъ множество интересныхъ частностей мы находимъ у Блохмана, который семь лѣтъ пробылъ учителемъ въ Ивердёнѣ. Но лучшую оцѣнку дѣятельности Песталоцци и его отношеній къ главнымъ своимъ сотрудникамъ встрѣчаемъ мы у Раумера, который, проживъ не сколько мѣсяцевъ въ Ивердёнѣ, какъ беспристрастный наблюдатель, умѣль отдать должное и намѣреніямъ и дѣламъ каждого изъ дѣйствовавшихъ передъ нимъ лицъ. Вотъ почему мы будемъ обращаться поперемѣнико къ этимъ тремъ источникамъ, взаимно дополняющимъ другъ друга.

Еще въ Бургдорфѣ присоединились къ Песталоцци два новые помощника: *Нидереръ*, который, будучи увлеченъ воспитательными идеями Песталоцци и желая быть его сотрудникомъ, оставилъ званіе сельскаго пастора, и *Юсифъ Шмидтъ*, сынъ Альпійскаго пастуха, пришедшій къ Несталоцци, 14 лѣтъ отъ рода, безъ всякихъ познаній и вскорѣ оказавшій изумительные успѣхи въ наукахъ, особенно въ математикѣ. И къ тому и къ другому Песталоцци питалъ глубокоеуваженіе, хотя къ послѣднему чувствовалъ болѣе привязанности.

Нидереръ былъ теоретикъ, мыслитель по преимуществу. Проникшись какою-нибудь свѣтлою мыслию Песталоцци, онъ развивалъ ее въ подробностяхъ, строилъ на лей систему, и какъ человѣкъ, получившій строгое классическое образованіе, далеко превосходилъ Песталоцци въ умѣніи излагать самыя отвлеченные философскія мысли. Песталоцци не всегда понималъ свою первоначальную мысль въ изложеніи Нидерера, и оттого питалъ къ нему яѣкоторую недовѣрчивость, которая возрастила, при многихъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ, все болѣе и болѣе. Часто говаривалъ Песталоцци весьма простодушно: «Я начинаю не понимать самого себя; если вы хотите знать мои мысли, спросите объясненій у Нидерера».

Діаметральную противоположность Нидереру

составляль Шмидтъ. Это былъ человѣкъ въ высшей степени практическій и дѣятельности необыкновенной. Естественно, что Песталоцци, чувствуя въ себѣ постоянный недостатокъ практическаго умѣнья вести дѣло, во всемъ ввѣрился дѣятельному Шмидту, и этотъ молодой еще человѣкъ пріобрѣлъ рѣшительное влияніе на всѣхъ въ Ивердѣнѣ. Все, казалось, соединилось къ тому, чтобы институтъ пришелъ въ самое лучшее此刻. Самъ Песталоцци постоянно одушевленъ былъ желаніемъ добра и пользы своимъ питомцамъ. Нидерерь обладалъ теоретическою способностію излагать идеи Песталоцци, писать отчеты и программы; Шмидтъ — человѣкъ молодой и энергическій, съ утра и до вечера наблюдалъ за всѣмъ, побуждалъ къ дѣятельности второстепенныхъ помощниковъ, неутомимо и съ большими умѣньями преподавалъ математику, и ученики его изумляли успѣхами посѣтителей.

Казалось бы, что институтъ долженъ быть процвѣтать на такихъ основаніяхъ.... Онъ дѣйственно и процвѣталъ. Все было въ немъ для выѣшности: порядку гораздо болѣе, нежели въ Бургдорфѣ — ученье шло стройнѣе, правильнѣе и успѣшнѣе, — но среди этого блеска, въ корнѣ, въ основахъ института начиналось уже его распаданіе. Главными причинами этого были: во-1-хъ, враждебныя отношенія между Нидереромъ и Шмидтомъ,

которому мало-по-малу Песталоцци совершенно ввѣрился, и во-2-хъ, тѣ огромные размѣры, которые приняло это воспитательное заведеніе.

Мѣстность, среди которой протекало воспитаніе дѣтей въ Ивердѣнѣ, съ одной стороны, какъ пельзя болѣе способствовала гармоническому развитію и душевныхъ и тѣлесныхъ силъ, съ другой — препятствовала ему. Вотъ что пишетъ объ этомъ Блохманъ, поступившій въ Ивердѣнъ учителемъ, черезъ 4 года послѣ основанія института:

«Когда я поступилъ въ институтъ, число воспитанниковъ доходило до 160 человѣкъ; взрослыхъ, жившихъ въ институтѣ для изученія метода Песталоцци, было 32 человѣка; а учителей было 15. Надо присоединить къ этому многочисленныхъ путешественниковъ, посѣщавшихъ почти ежедневно Ивердѣнскій институтъ, коего имя, въ числѣ достопримѣчательностей, было означено въ путеводителяхъ по Швейцаріи, — чтобы понять, въ какихъ широкихъ размѣрахъ протекала жизнь институтская. Учители доходили иногда до отчаянія, вида въ лѣтніе мѣсяцы, какъ, только что одна стая этихъ перелетныхъ птицъ оставляла зѣмлю, вдругъ за нею тянулась другая: въ продолженіе одного урока,

являлось въ классъ два, три посѣтителя, и каждый желалъ, чтобы ему показали чудеса Песталоціевої методы. Наружность замка, какъ и всѣхъ рыцарскихъ замковъ, была нѣсколько мрачная; помѣстительность была крайне ограниченная по такому большому числу пансионеровъ. Посрединѣ былъ большой дворъ съ колодцемъ, гдѣ по-утрамъ разставлялись длинные деревянные желобы, у которыхъ ученики умывались и лѣтомъ и зимою. Въ двухъ огромныхъ спальняхъ, безъ половъ, спало слишкомъ по 60 учениковъ и по 6 учителей въ каждой. Въ замкѣ были и еще большія обѣденныя и классныя залы; но, кроме небольшой отдѣльной комнаты, которую занималъ Песталоцци со своимъ семействомъ, никто изъ учителей и воспитанниковъ не имѣлъ своего отдѣльного пріютнаго угла. Семейной комнаты, которая вѣкогда была педагогическимъ идеаломъ Песталоцци, при воспитаніи юношества, здѣсь рѣшительно не было, и 6-8-лѣтнія дѣти бродили, какъ бы запутанныя и безирютныя, по обширнымъ заламъ. Мы, учителя, искали себѣ убѣжища въ какой-нибудь башнѣ или бойницѣ замка, обитаемой голубями или галками. Все это придавало жизни институтской что-то кочевое, безпріютное. Но какъ ни печально было впечатлѣніе, производимое на душу внутреннимъ расположениемъ замка, оно слаживалось, лишь только глядѣешься въ эту дѣятельность, которою оживленъ былъ

почти каждый, жившій въ немъ; а еще болѣе когда, сойдя нѣсколько ступеней внизъ, увидишь прелестную мѣстность, среди которой находился замокъ. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него начинался обширный лугъ, доходившій вплоть до Нейибургскаго озера. Здѣсь обыкновенно дѣти играли, а передъ обѣдомъ и по вечерамъ сбѣгали къ озеру купаться. Лучшаго купанья трудно найти гдѣ нибудь: дно песчаное, слегка покатое; особенное удовольствіе доставлялъ намъ сильный сѣверо-восточный вѣтеръ, когда волны перекатывались черезъ голову купающихся. Наискось, на другомъ берегу озера, лежитъ Грандсонъ, со своимъ многобашеннымъ замкомъ, знаменитый въ исторіи пораженiemъ Карла Смѣлаго; кругомъ него виднѣются холмы, покрытые виноградниками. На заднемъ планѣ этого очаровательнаго ландшафта возвышается древній Юрассусъ, черезъ который Римскіе легіоны перешагнули нѣкогда въ Гельвенцію. По субботамъ, послѣ классовъ, мы взирались туда по остаткамъ древней Римской дороги и оттуда любовались восхитительнымъ видомъ на Монбланъ и всю цѣнь Альповъ, на Женевское озеро, Невшатель, Муртенъ; случалось, что отправлялись съ воспитанниками на все воскресенье и далѣе, въ Шассералю, и оттуда могли видѣть границы Франціи.

Совершенно новая для насъ роскошная расти-

тельность невольно влекла каждого бонатиризовать, и все мы, учителя и ученики, возвращались съ горъ въ наши долины съ букетами самыхъ разнообразныхъ цветовъ и травъ. По праздникамъ болѣе продолжительнымъ, учителя раздѣлялись съ воспитанниками на партіи и отправлялись то къ Женевскому озеру, то въ Валлисъ къ Савойскимъ Альпамъ; а въ лѣтніе каникулярные дни предпринимались и болѣе далекія путешествія, напр. въ гористую часть Берна, къ самому С.-Готарду. Такой образъ жизни былъ полезенъ во всѣхъ отношеніяхъ; главное то, что онъ былъ простъ и необыкновенно живителенъ и для души и для тѣла. Въ пять часовъ вставали воспитанники, а учителя вставали въ четыре. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ у насъ заведено было и ночное дежурство, такъ что одинъ изъ насъ дежурилъ до часу ночи, а съ часу дежурилъ другой и обязанъ былъ въ два часа будить Песталоцци, а за тѣмъ другихъ, кого ему Песталоцци прикажетъ. Съ 6 до 7 часовъ воспитанники занимались; послѣ того Песталоцци прочитывалъ утреннія молитвы; къ этому времени собирались въ общую залу всѣ жители дома; даже приходили воспитанницы женскаго института, помѣщавшагося по близости и тоже состоявшаго подъ надзоромъ Песталоцци. Послѣ молитвы, Песталоцци обыкновенно объяснялъ какой-нибудь текстъ изъ св. Пи-

санія или одну изъ церковныхъ пѣсней. За тѣмъ ученики шли умываться, большою частію безъ курточекъ, хотя бы это было и зимою. Галстуховъ и фуражекъ не носилъ никто, даже учителя, развѣ только отправляясь за городъ. За тѣмъ дѣлался осмотръ учениковъ и ихъ вели къ завтраку. Съ 8 до 12 часовъ были классы, преимущественно за кона Божія, языковъ и математики. Въ 12 часовъ все населеніе Ивердона сѣло къ озеру купаться и играть на лугу. Въ часъ обѣдали. Обѣдъ бывалъ очень непродолжителенъ и простъ. Послѣ обѣданные уроки начинались въ два часа; это было обременительно и для учениковъ и для насть. Съ четырехъ часовъ давался еще часъ для купанья и игры; за тѣмъ полдничали. Это было самое пріятное время для насть учителей; мы собирались вмѣстѣ, въ какой-нибудь шалашъ, выстроенный кѣмъ-нибудь изъ насть, по недостатку отдѣльныхъ помѣщений въ замкѣ; тамъ, за бутылкой вина, заѣдая самимъ свѣжимъ швейцарскимъ сыромъ, мы весело проводили время въ разговорахъ. Съ 5 до 8 часовъ ученики приготавливали уроки; затѣмъ ихъ опять собирали на молитву, вели къ ужину и въ 9 часовъ они ложились спать. Каждый учитель въ теченіе 3 дней имѣлъ постоянный надзоръ за 40 воспитанниками. Старшимъ учителямъ поручалось еще некоторое число учениковъ для постоянного и

особенного надзора. Разъ въ недѣлю, отдавши о нихъ предварительный отчетъ Песталоцци, учитель приводилъ ихъ къ нему. Обыкновенно Песталоцци принималъ такое посѣщеніе вечеромъ, уже въ постели; а способы, которые онъ при этомъ употреблялъ для ободренія, или укора ученикамъ, были весьма оригинальны, поучительны для нась и сильно дѣйствовали на учениковъ. По субботамъ, когда воспитанники улигутся спать, въ 9 часовъ, всѣ учителя собирались для совѣщаній, въ которыхъ толковалось о поведеніи тѣхъ или другихъ воспитанниковъ, предлагались и обсуждались новыя мѣры; иногда бывали тутъ же и педагогическія чтенія. Песталоцци рѣдко присутствовалъ на нашихъ конференціяхъ, развѣ дѣло шло о чѣмъ-либо важномъ, и въ этихъ случаяхъ говорилъ онъ съ обычнымъ своимъ жаромъ. Обыкновенно въ этихъ случаяхъ мы собирались въ его комнатѣ, и здѣсь - то проявлялся весь его характеръ и добродушіе, и юморъ, и необыкновенная горячность. Случалось, что онъ до того выходилъ изъ себя въ жаркомъ спорѣ, что выбѣгалъ вонъ, хлопнувши дверью. Но стоило ему въ эти минуты встрѣтить въ дверяхъ ученика съ веселымъ, смѣющимся лицомъ, — онъ тотчасъ возвращался къ намъ и извинялся передъ нами въ своей запальчивости: «простите, простите, я былъ горячъ, я былъ глупъ».

Жизнь въ институтѣ *) имѣла столько превратныхъ особенностей, что каждый, проведшій въ немъ нѣсколько лѣтъ, навсегда сохранялъ о ней самые отрадныя воспоминанія. Отъ того и происходило, что старцы и юноши, ученые и неученые, знатные и незнатные, Европейцы и Американцы, стремились въ Ивердѣнъ, и, проведя въ немъ нѣсколько времени, съ восторгомъ о немъ отзывались. Для учителей пребываніе въ Ивердѣнѣ было особенно наставительно, и причины тому слѣдующія: 1) Личность Песталоцци, его святая ревность ко всему доблестному и благородному, его неутомимая умственная дѣятельность. 2) Учительскія конференціи, въ которыхъ говорилось и прочитывалось много интереснаго. 3) Множество посѣтителей иностранцевъ, высказывавшихъ свои иногда весьма мѣткія сужденія объ институтѣ. 4) Большое число учениковъ разныхъ сословій и изъ разныхъ странъ Европы. Для меня особенно важно было въ педагогическомъ отношеніи 5) то, что я въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ былъ домашнимъ секретаремъ Песталоцци. Съ 2 часовъ ночи до 6 утра онъ диктовалъ мнѣ письма иногда весьма интересныя, чаше впрочемъ свои взгляды, замѣтки о воспитаніи **).

*) Рассказъ Гамзауера.

**) Объ этомъ далѣе слѣдуютъ весьма интересныя подробности.

6) Торжественные дни въ институтской жизни — , новый годъ и день рождения Песталоцци, когда съ особеною торжественностью совершалась утренняя молитва, при чёмъ Песталоцци произносилъ поучение, всегда исполненное высокихъ мыслей, сильно дѣйствовавшихъ на учениковъ. 7) Небольшія путешествія, которые совершались по-классно, или малыми партіями. Отрицательнымъ образомъ наставительно бывало для учителей 8) то, что Песталоцци всякаго взрослого иностранца, если онъ не предъявлялъ большихъ претензій, принималъ охотно къ себѣ въ учители, чрезъ что мы имѣли случай видѣть, какъ не должно преподавать. Сверхъ того, такъ какъ Песталоцци былъ врагъ всякихъ книгъ и руководствъ, не по его идеямъ составленныхъ, то мы избавлялись отъ дюжинныхъ книжекъ, но вмѣсть съ тѣмъ не видѣли въ институтѣ ни романовъ и ничего подобнаго. Вообще въ институтѣ кипѣла весьма разнообразная общественная жизнь, дававшая намъ многостороннее развитіе. Радости и горе дѣлили мы съ-обща; но и только. Хотя говорилось много о *семейственности*, которая должна господствовать въ воспитательномъ заведеніи, о *гармоническомъ* развитіи всѣхъ духовныхъ силъ учениковъ; однако же, признается, это было больше въ теоріи, нежели на дѣлѣ. Правда, въ общемъ ходѣ воспитанія замѣтно было вѣкоторое единодушіе между

исполнителями дѣла; но въ сущности каждый предоставленъ былъ самъ себѣ, каждый дѣлалъ, что хотѣлъ и какъ умѣлъ. Жаль только, что при этомъ надъ всѣмъ господствовалъ характеръ какой-то торопливости, скорохватства, а не семейный, домашній характеръ.

Младшіе учителя, по словамъ Рамзауера, хотя въ преподаваніи вполнѣ были предоставлены самимъ себѣ, были однажды весьма стѣснены въ своемъ образѣ жизни. Основной педагогической законъ института былъ таковъ: никто изъ учителей не могъ дѣлать того, что запрещено ученикамъ. И потому никто изъ нихъ не имѣлъ особенной комнаты, никто не могъ курить, ходить одинъ гулять, читать книги или газеты. Естественно, что такія стѣснительныя школьнія правила порождали въ учителяхъ разныя школьнія уловки и продѣлки. Они, напримѣръ, не смотря на усталость отъ дневныхъ занятій, отправлялись ночью въ ближайшій городокъ или гостиницу, за бутылкой вина, размыкать свое горе. Песталоцци, конечно, узнавать объ этомъ, собираясь ихъ къ себѣ, журить, но ничто не помогало. При всемъ томъ, и Рамзауерь, и Блохманъ, и Раумеръ свидѣтельствуютъ, что всѣ учителя были люди высокой нравственности и съ большимъ рвениемъ занимались не только своимъ класснымъ дѣломъ, но работали неутомимо и для себя: учились другъ у

друга кто математикъ, кто рисованію, кто музыкѣ. Въ 1808 году составилось между ними литературное общество. Они въ складчину покупали книги, бесѣдовали о прочитанномъ, писали сочиненія и подвергали ихъ взаимной оцѣнкѣ въ своемъ кружку. Составилось впослѣдствіи и чисто-педагогическое общество, собиравшееся по субботамъ. Главнымъ двигателемъ его Рамзауеръ называетъ *Щмидта* и *Муральта*, впослѣдствіи вызванного для педагогической дѣятельности въ С.-Петербургъ.

Вотъ что говорить Рамзауеръ объ отношеніяхъ самого Песталоцци къ педагогическимъ стремленіямъ его помощниковъ:

«Педагогическихъ чтеній въ назиданіе нась, младшихъ учителей, не было. Нидереръ начивалъ было вводить ихъ, но это было непродолжительно, и притомъ безъ всякой системы. Менѣе всего могъ самъ Песталоцци начертать намъ стройную картину своей методы; объ отдельныхъ же предметахъ преподаванія онъ умѣлъ еще менѣе поучать нась: потому что самъ не зналъ ни одпого основательно, и даже хвалился тѣмъ, что въ послѣдніе 40 лѣтъ не прочелъ ни одной книги. Но за то онъ обладалъ удивительнымъ психологическимъ тактомъ: пребывъ въ классѣ двѣ-три минуты, онъ умѣлъ выказать учителю множество дѣльныхъ и тонкихъ замѣчаній о томъ, что происходило передъ его гла-

зами. Особено любилъ онъ посѣщать классъ математики, и если дѣло шло живо, шуму было много, глаза учениковъ сверкали, то онъ, не сказавъ ни слова, крѣпко пожималъ руку учителю. Но часто ли онъ принималъ шумъ за рвение, этого я не берусь решить. Если же ему случалось застать въ классѣ тишину, а учителя сидящимъ (что не могло случаться часто, потому что стульевъ, съ намѣреніемъ, для учителей не ставили), или еще хуже если учитель держалъ въ рукахъ книгу (конечно, это могъ сдѣлать развѣ какой-нибудь новичекъ)—тогда Песталоцци начиналъ ворчать про себя, поспѣшно уходилъ и сильно захлопыпалъ за собою дверь. Этимъ и ограничивались его педагогическія чтенія». (*Рамзауэръ*, 30 и 31 стр.).

Укоряя иногда учителей за нерадѣніе или за продѣлки въ родѣ описанныхъ выше, Песталоцци говорилъ имъ: «Тысячи людей благодарили бы Бога за счастіе быть учителями въ Ивердѣнѣ, потому что весь образованный міръ на васъ устремляетъ взоры». И это было какъ нельзя болѣе справедливо. Съ тѣхъ поръ какъ *Фихте* въ своей смѣлой рѣчи къ Германскому народу, вызывая народное чувство для пропаганды Франціи, сказалъ, что единственное спасеніе для націи есть національное воспитаніе юношества на новыхъ началахъ, и что этимъ началамъ слѣдуетъ учиться у Песталоцци

въ его институтѣ, Ивердѣнъ сдѣлался пунктомъ, къ которому стремились всѣ сочувствуяше успѣхамъ образованности. Песталоцци могъ гордиться такою славою; но, чуждый тщеславія, онъ, иногда во вредъ своему воспитательному дѣлу, придавалъ слишкомъ большую дѣнну похвальныи отзивамъ, отовсюду раздававшимся о его заведеніи. Частыя посѣщенія прерывали правильный ходъ занятій; въ ученикахъ, среди общихъ похвалъ, зарождалось тщеславіе. Но Песталоцци, лично, видѣлъ въ этой славѣ только залогъ прочности своего дѣла и того вліянія, которое будутъ имѣть его идеи на другія страны Европы.

Но обратимся опять къ правдивому Рамзауеру, который съ обычнымъ своимъ простодушіемъ и даже нѣсколько юмористическимъ разсказываетъ слѣдующія подробности о посѣщеніяхъ Ивердѣна иностранцами:

«Сколько сотъ иностранцевъ посѣщало ежегодно Ивердѣнъ, столько же сотъ разъ Песталоцци предавался обманчивымъ своимъ надеждамъ. Какъ только бывало пріѣдетъ новый посѣтитель, Песталоцци, обходя учителей, которымъ особенно довѣрялъ, говорить каждому изъ нихъ: «Это очень важная особа, которая хочетъ познакомиться со всѣмъ механизмомъ нашего заведенія. Покажи ей все, до чего мы дошли; возьми лучшихъ учениковъ, собери

свои тетради (руководства, которым мы употребляли вмѣсто книгъ) и выкажи все въ самомъ лучшемъ свѣтѣ». Сотни любопытныхъ, праздныхъ людей на-водняли Ивердѣнъ, и для каждого изъ нихъ мы должны были прерывать наши обычные занятія. А между тѣмъ Ивердѣнъ былъ просто «въ модѣ». Въ 1814 году приѣхалъ къ намъ старый князь Эстергази. Песталоцци засуетился по всему дому: «Рамзауерь, да гдѣ же ты? Ступай скорѣй и приведи своихъ лучшихъ учениковъ (въ гимнастикѣ, рисованіи и счисленіи) въ красный домъ (особенное отдѣленіе замка, гдѣ останавливались иностранцы); тамъ теперь весьма знатная особа, человѣкъ съ несметнымъ богатствомъ; у него въ Австріи нѣсколько тысячъ крестьянъ; онъ навѣрно заведеть у нихъ школы, если мы заинтересуемъ его своимъ дѣломъ». Я взялъ человѣкъ 15 учениковъ, и когда мы вошли къ князю, Песталоцци сказалъ ему: «Вотъ учитель этихъ мальчиковъ; онъ 15 лѣтъ тому назадъ прямо изъ деревни поступилъ ко мнѣ въ заведеніе и съ-тѣхъ-поръ мы свободно развивали его умствен-ныя силы. Теперь онъ самостоятельный учитель; такъ вотъ извольте видѣть, въ бѣдныхъ людяхъ бываютъ такія же, иногда и большія способности, какъ и въ богатыхъ. Только у бѣдныхъ онъ рѣдко имѣютъ возможность развиваться, и то неметодически. Вотъ почему и необходимо преобразовать народныхъ

школы. Впрочемъ, онъ вамъ все это лучше разскажетъ и докажетъ, нежели я; и таъ 'до свиданія!' Я началъ экзаменовать учениковъ, объясняль, доказывалъ, кричалъ такъ громко, что охрипъ, и былъ вполнѣ увѣренъ, что убѣдилъ князя въ превосходствѣ нашей методы. Когда все кончилось, и Песталоцци проводилъ князя, то онъ сказалъ мнѣ: «Онъ совершенно убѣжденъ, совершенно; вотъ увидишь, онъ заведеть школы въ своихъ Венгерскихъ помѣстьяхъ. Но что это такое, ахъ Боже мой, что это? вдругъ закричалъ Песталоцци: что сдѣлалось съ моей рукою? смотри, она распухла, я не могу пошевелить ею!» — Да вы ушиблись, отвѣчалъ я: когда вы часъ тому назадъ разговаривали съ княземъ; вы такъ сильно ударились локтемъ объ ключь, что онъ согнулся, а вы тогда въ горячности и не замѣтили этого». Такъ много было еще энергіи въ этомъ 70-лѣтнемъ старикѣ, особенно когда рѣчь шла о какомъ-нибудь добромъ дѣлѣ. Подобныхъ примѣровъ я могъ бы представить множество».

Въ лѣтніе мѣсяцы случалось нерѣдко, что въ день являлось по 4 и по 5 посѣтителей, и для каждого мы должны были прерывать свои занятія. Въ теченіе трехъ лѣтъ, съ 1812 по 1814 годъ, мнѣ приходилось такъ часто, сверхъ обычныхъ занятій, быть путеводителемъ пріѣзжихъ по Ивер-

дёну, что я не напутку стала страдать горломъ. Когда мнѣ случалось хворать, Песталоцци, понимая, что онъ самъ отчасти причиною моей болѣзни отъ чрезмѣрныхъ занятій, ухаживалъ за мною какъ за сыномъ, но большею частію весьма неудачно, потому что онъ былъ вообще человѣкъ непрактическій, нетерпѣливый и разсѣянный.

Самое трудное для меня время было съ 1812 по 1815 годъ, когда я долженъ былъ съ 2 часовъ утра до 6 писать подъ диктовку Песталоцци. Хотя бы мнѣ пришлось лечь въ 11 и даже въ 12 часовъ, я долженъ былъ въ два часа являться къ постели Песталоцци. Если мнѣ случалось запаздывать насколькими минутами, то онъ въ нетерпѣніи всакивалъ съ постели, наскоро одѣвался и то какъ попало, и шель черезъ дворъ будить меня, не глядя на погоду. Если же я предупреждалъ его и являлся раньше, то онъ бывалъ очень доволенъ; бывало, поцѣлуетъ меня, ляжетъ снова въ постель и начнетъ диктовать. Писать подъ его диктовку было очень трудно, во-1-хъ потому, что онъ говорилъ слишкомъ скоро и невнятно и при томъ всегда держалъ во рту или кончикъ одѣала или что-нибудь въ родѣ этого; во-2-хъ потому, что онъ диктовалъ полусловами, начиналъ два-три раза одну и ту же фразу, и передѣльвалъ ее насколько разъ, прежде чѣмъ она окончательно сложится. Самое

скучное было то, когда Песталоцци заставить про-
чество продиктованное имъ, и въ четвертніи схва-
тить перо и самъ начнетъ писать: въ такихъ слу-
чаяхъ приходилось переписывать цѣлый листъ,
потому что онъ писалъ очень дурно и криво.
Какъ въ разговорѣ съ нимъ, приходилось чаще
понимать его мысль изъ необыкновенно выразитель-
наго его лица, нежели изъ словъ, которая не
всегда подчинялась обильному и быстрому потоку
его мыслей: такъ и писцу его приходилось чаще
отгадывать его мысли по общему тону диктуемаго,
нежели изъ словъ. Все это дѣлало мои занятія
и весьма трудными и въ то же время весьма за-
нимательными.

Съ 1812 по 1814 годъ я пользовался особен-
нымъ расположениемъ Песталоцци. Почти ежедне-
вно онъ приглашалъ меня за свой семейный обѣдь,
послѣ котораго, за чашкой чернаго кофе съ кирш-
вассеромъ, онъ, среди домашнихъ своихъ, бывалъ
почти всегда очень весель и чрезвычайно остро-
уменъ. Песталоцци имѣлъ даръ остроумія, и во-
обще, во всякомъ дѣлѣ и настроеніи духа, онъ
предавался тому или другому чувству вполнѣ: онъ
былъ по преимуществу *человѣкъ чувства*. Въ одинъ
и тотъ же часъ онъ могъ быть: и вполнѣ счастливъ,
и вполнѣ несчастливъ; и въ высшей степени кро-
токъ, обходителенъ, и суровъ, серъозенъ, и даже

совершенно могъ выйти изъ себя. Онъ былъ человѣкъ слишкомъ страстный. «Удивительно, какъ я до сихъ порь еще живъ, — говоривъ онъ: у меня должно быть лошадиное тѣлосложеніе; меня, я думаю, также нельзя отравить, какъ и Бенвенуто Челлини». Къ счастію, онъ слишкомъ скоро забывалъ огорченія. Къ счастію, или, пожалуй, къ несчастію, потому что его жизнь не имѣла для него исторического значенія, онъ не воспользовался ея опытами; да не любилъ онъ также, чтобы мы, особенно въ *педагогическомъ* отношеніи, пользовались опытами другихъ; онъ не любилъ, чтобы мы читали книги, а изобрѣтали бы все сами, своямъ умомъ до всего доходили. Вотъ почему въ институтѣ безъ всякаго отчета тратилось много и времени и силъ на эксперименты, все на эксперименты. Конечно, то, что мы добывали своимъ трудомъ и потомъ, то мы знали и понимали какъ нельзя лучше, и это доставляло намъ такую радость и поселяло въ насъ такое довѣріе къ своимъ силамъ, что мы позабывали о прошедшихъ утомительныхъ трудахъ. (Рамзауэръ, 44 — 47 стр.).

Вотъ еще одинъ случай изъ жизни Песталоцци, приводимый Рамзауеромъ, и доказывающій, какими чистыми побужденіями былъ руководимъ Песталоцци, заботясь объ известности своего института.

«Когда въ 1815 г. Прусскій король прибыль

въ Невшатель, Песталоцци быль очень сильно боленъ. При всемъ томъ, онъ настояль, чтобы я везъ его къ королю благодарить за то вниманіе, которое онъ оказываетъ народному просвѣщенію въ своемъ государствѣ и за присылку многихъ учениковъ въ Ивердѣнъ. На дорогѣ Песталоцци нѣсколько разъ впадалъ въ безпамятство и я долженъ быть вынимать его изъ кареты, вносить въ какой-нибудь домъ и убѣждать воротиться. «Не говори мнѣ объ этомъ, отвѣчалъ онъ: я долженъ видѣть короля, хотя бы это стоило мнѣ жизни; если вслѣдствіе моего свиданія съ королемъ, хотя одно дитя въ Пруссіи получить лучшее воспитаніе, я буду считать себя щедро вознагражденнымъ».

Эти же побужденія были причиною нѣкоторой, если можно такъ выразиться, недобросовѣтности Песталоцци, въ которой онъ самъ неоднократно признавался. Въ отчетахъ своихъ, печатаемыхъ какъ для родителей его учениковъ, такъ и вообще для публики, онъ представлялъ состояніе своего института въ гораздо лучшемъ видѣ, нежели онъ сознавалъ его на самомъ дѣлѣ. Это происходило въ значительной степени и отъ того, что, дѣйственно заботясь объ улучшеніяхъ, и имѣя для нихъ все средства въ своихъ рукахъ, онъ не хотѣлъ показать постороннимъ лицамъ темныя, еще не исправленныя стороны своего заведенія. Отъ того онъ

вовлекался въ утомительную для себя полемику; приходилось отстаивать свои мѣры и передъ правительствомъ и передъ публицистами. Въ этомъ отношеніи, особенно въ первое время, дѣятельнымъ помощникомъ его былъ Нидереръ, обладавшій и ученоствомъ и умѣньемъ вести полемическую переписку.

Къ этой бесполезной для института борьбѣ съ внешнимъ врагомъ присоединились, какъ мы сказали выше, внутреннія несогласія между главными помощниками Песталоцци: Нидереромъ и Шмидтомъ.

Къ этому времени относится пребываніе Раумера у Песталоцци, потому и обратимся къ его разсказу. Окончивъ университетскій курсъ въ Геттингенѣ и потомъ въ Галле, Раумеръ посвятилъ себя изученію минералогіи, и, пробывъ нѣсколько времени на рудникахъ въ Фрейбергѣ, отправился въ 1808 году въ Парижъ. Рѣчь Фихте къ Германскому народу увлекла его на новый путь — педагогический, и онъ съ нетерпѣніемъ желалъ познакомиться съ Песталоцци. Кстати осьмилѣтній братъ его невѣсты назывался родителями къ поступленію въ какое-нибудь учебное заведеніе; Раумеръ вызвался отвезти его къ Песталоцци и наблюдать за нимъ тамъ въ теченіе нѣкотораго времени.

Вотъ какъ описываетъ Раумеръ первое впечатлѣніе, произведенное на него Песталоцци и нѣкоторыми другими дѣятелями института: «Мы при-

были въ Ивердѣнъ вечеромъ, въ холодное, дождливое время, и остановились въ красномъ домѣ. Утромъ отправились мы въ старый замокъ, въ срединѣ которого находится дворъ, окруженный четырьмя большими круглыми башнями. Насъ встрѣтила толпа мальчиковъ и проводила къ Песталоцци. Онъ былъ одѣтъ весьма небрежно: въ поношенномъ сѣромъ сюртукѣ, безъ камзола, въ короткихъ панталонахъ; чулки съѣзжали съ ногъ къ туфлямъ. Черные, щетинистые волосы были не причесаны. Лобъ его покрытъ былъ морщинами; темнокаріе глаза, исполненные, обыкновенно, кроткаго выраженія, повременамъ сверкали огнемъ. Когда лицо его оживлялось, нельзя было замѣтить, что этотъ гениальный человѣкъ былъ некрасивъ собою. Слѣды долгихъ страданій можно было прочесть на этомъ лицѣ. Вскорѣ увидѣлъ я Нидерера. Онъ показался мнѣ похожимъ на молодаго Римскокатолического монаха. Тутъ же были Крузи и Шмидтъ. Крузи—блондинъ, голубоглазый, въ сколько толстый. Шмидтъ былъ въ одѣждѣ своей еще болѣе циникъ, нежели самъ Песталоцци».

«Я пришелъ учиться и служить, продолжаетъ Раумеръ, поселился въ институтѣ, обѣдалъ и спалъ съ воспитанниками, посѣщалъ классы и учительскія конференціи. Молча наблюдалъ я за всемъ, но далеко не сочувствовалъ многому, что видѣлъ.

Несколько недель прошло такимъ образомъ. Однажды вечеромъ, когда всѣ мы учители вмѣстѣ съ Песталоцци были въ одной изъ соседнихъ гостиницъ, гдѣ обыкновенно проводили время разъ въ двѣ недѣли, Песталоцци вызвалъ меня въ особую комнату. «Мои учителя дичатся тебя, сказаль онъ: *) ты все наблюдаешь, прислушиваешься и молчишь. Отчего ты не возьмешься за преподаваніе?» Я отвѣчалъ, что хочу прѣжде самъ поучиться, а потомъ стану учить другихъ. Тутъ завязался у насъ весьма откровенный разговоръ. Песталоцци высказалъ мнѣ о ходѣ преподаванія въ его институтѣ нѣсколько истинъ, которые были въ явномъ противорѣчіи съ тѣмъ, что говорилось въ официальномъ отчетѣ. Эту откровенную рѣчь онъ заключилъ предложеніемъ, чтобы я вмѣстѣ съ Шмидтомъ, котораго онъ очень хвалилъ за дѣятельность и распорядительность, приложилъ руку къ обновленію института.

Это предложеніе заставило меня задуматься. Тѣмъ не менѣе я вошелъ въ ближайшія сношенія съ Шмидтомъ и узналъ отъ него всѣ тайны института, всѣ его недостатки и всѣ планы для ихъ исправленія.

---

*) Песталоцци всѣмъ, кого любилъ, говорилъ: ты.

Замѣчаніе Рахзауера.

Главнымъ препятствіемъ для процвѣтанія института было смѣшеніе народностей: половина учениковъ были Нѣмцы, половина Французы. Родителямъ казалось это весьма полезнымъ въ томъ отношеніи, что дѣти ихъ легко усвоятъ себѣ два языка; но на дѣлѣ этотъ недостатокъ языка преобладающаго порождалъ какую-то общую безхарактерность воспитанія. Институтъ былъ какою-то пограничною провинціею. Проходилось же, Песталоцци читать утреннія молитвы сперва по-нѣмецки, а потомъ по-французски! Въ классѣ нѣмецкаго языка я замѣчалъ, что Французы не понимаютъ самыхъ обыкновенныхъ нѣмецкихъ словъ. Оставалось единственное средство -- раздѣлить заведеніе на двѣ половины: французскую и нѣмецкую; этимъ можно было избѣгнуть и несоразмѣрной со средствами многочисленности учениковъ.

Второй недостатокъ заключался въ отсутствіи въ немъ семейственности, о которой, впрочемъ, до излишества говорено было въ отчетахъ. (Здѣсь Раумеръ вполнѣ подтверждаетъ слова Рамзауера и Блохмана. Эта безприютность малютокъ, дурно дѣйствовавшая на малолѣтняго питомца, вѣренаго надзору Раумера, была причиною, что онъ такъ скоро вмѣстѣ съ нимъ оставилъ Иверденъ). Объ учителяхъ института, отдавая полную справедливость ихъ усердію, Раумеръ замѣчаетъ слѣ-

дующее: Большая часть изъ нихъ были самоучки, получившіе тамъ же первое образованіе и слишкомъ рано перешедшіе изъ учениковъ въ учителя. Систематическихъ чтеній о педагогії они не имѣли случая слышать. Конечно, при такомъ развитіи учителя, нерѣдко можно было встрѣтить между ними человѣка, идущаго самостоятельнымъ путемъ, и Шмидтъ служить лучшимъ тому примѣромъ. Но тѣмъ рѣзче обозначалась въ нихъ ограниченность самоучекъ: слишкомъ большая самоувѣренность и неумѣніе оцѣнить труды другаго. «Человѣкъ узнаетъ себя только въ другомъ человѣкѣ», говорить Гёте, и потому я долженъ знать, что сдѣлали другіе въ наукѣ, которою я занимаюсь, дабы я могъ оцѣнить мои собственные труды въ ней. Трудно поверить, сколько промаховъ и ложныхъ сужденій Песталоцци и его учениковъ проистекло изъ этого источника. Никогда не забуду я разговоровъ, которые имѣлъ съ Песталоцци по поводу его методы и понятій о значеніи учителя. По его мнѣнію, методический учебникъ могъ замѣнить и даръ учителя и опытность учителя. Что же будетъ послѣ этого учебникъ, какъ не машина для дрессировки учениковъ, и притомъ дѣло все-таки не обойдется безъ участія человѣка. Вѣдь при самомъ лучшемъ печатномъ станкѣ, все-же нуженъ человѣкъ, хотя бы почти вовсе не имѣющій человѣ-

ческаго смысла. По мнѣнію Песталоцци, учитель долженъ быть по предписанію методы проходить съ учениками только то, что внесено въ учебникъ; отъ себя прибавлять ему нечего *). Въ познаніяхъ онъ можетъ быть только на одинъ шагъ далѣе своихъ учениковъ. Но вѣдь это будетъ то же, еслибы кто-нибудь ночью взялся мать показывать дорогу, и самъ съ фонаремъ въ рукѣ сталъ бы ощупью искать ее передъ собою. Истинный учитель тотъ, кому до такой степени ясны и цѣль и путь преподаванія, что онъ безъ фонаря, т. е. безъ методы, можетъ вести учениковъ. Истинный учитель можетъ сказать: *la methode c'est moi*; метода я самъ. Можно ли представить себѣ болѣе жалкую рабскую работу, какъ работа учителя, строго держащагося учебниковъ Песталоцци? Не уничтожаетъ ли эта метода всѣ лучшія духовныя связи между учителемъ и учениками? Въ тѣ печальные минуты мнѣ казался Ивердёнскій институтъ огромною шумною фабрикою просвѣщенія, и этотъ машинный стукъ многіе принимали за юношескую радость, возбуждаемую въ ученикахъ наукой.

Хотя мои противорѣчія и слишкомъ щекотливо касались коренныхъ убѣжденій Песталоцци, но

---

*) Не забудемъ, что Песталоцци разумѣлъ здѣсь свою методу, свои учебники.

онъ не могъ не чувствовать, что мои слова не пустыя слова. Впрочемъ, измѣнить ходъ дѣла онъ не могъ: это были слишкомъ давніе, закоренѣлые его убѣжденія. Впослѣдствіи, когда слава института все болѣе меркла, Песталоцци съ прискорбиемъ увидѣлъ, что его младшіе учителя, какъ онъ самъ разсказываетъ: «внезапно возмутились подобно Англійскимъ фабричнымъ работникамъ; собрались толпою и отказались давать уроки, пока я имъ не удвою жалованья».

Песталоцци предлагалъ мнѣ преподавать минералогію и при этомъ пользоваться небольшимъ собраніемъ камней, которые находились въ институтѣ. Я отговорился тѣмъ, что если возьмусь за преподаваніе, то долженъ буду совершенно отклониться отъ институтской методы. Какъ такъ? спросилъ Песталоцци. По здѣшней методѣ, отвѣчалъ я, мнѣ ничего болѣе не придется дѣлать, какъ только показывать дѣтямъ одинъ камень за другимъ, говоря его название, напр. это *известникъ*, и заставляя трижды повторить за мною въ голосъ: это *известникъ*. Такъ что же? возразилъ онъ: такимъ образомъ они усваютъ себѣ воззрительно и предметъ и слово. Я старался доказать ему, что это самообольщеніе, что такимъ способомъ запоминаются только слова, а предметы не впечатываются въ сознаніи; что сознательное усвоеніе пред-

мета должно происходить молча, что это подсказываніе учителя и повтореніе за нимъ учениковъ только мѣшаетъ процессу усвоенія предметовъ. Когда Песталоцци сталаъ оспаривать это, я спросилъ его: для чего же дѣти не говорятъ съ пѣрваго дня рожденія? почему же, если мы восьмидневному ребенку покажемъ свѣчу, и не три, а сто разъ повторимъ ему слово: *свѣча*, онъ не произнесетъ намъ этого слова? Развѣ не видимъ мы въ этомъ указаніи свыше, что нужно время для того, чтобы человѣкъ могъ усвоить своему сознанію чувственныя воззрѣнія, и тогда только явится слово, какъ зрѣлый плодъ его сознанія? Это доказательство сильно поразило Песталоцци *).

Всѣ близко знавшие Песталоцци въ Ивердѣнѣ говорить единогласно, что въ немъ недостатокъ распорядительности возрасталъ все болѣе и болѣе. Онъ способенъ былъ одушевлять другихъ, но управлять другими былъ не состояніи **). Отъ того происходили беспорядки всякаго рода, и сверхъ того власть Шмидта, человѣка въ высшей степени надменнаго и притязательнаго, росла съ каждымъ

*) Раумеръ, стр. 355—362.

**) Замѣчательны слова Лафатера, которыя онъ сказалъ своему другу Песталоцци: «Еслибы я былъ правителемъ государства, то сдѣлалъ бы тебя моимъ главнымъ советникомъ по части просвѣщенія; но не дѣлъ бы тебѣ въ управлѣніе самой послѣдней деревенской школы».

днемъ. Это было невыносимо для учителей. Чувствуя, сколько Шмидтъ ему полезенъ, и въ то же время нуждаясь въ содѣйствіи Нидерера и другихъ, Песталоцци употреблялъ полумѣры, не удовлетворявшиа ни ту, ни другую сторону. Наконецъ, въ 1810 году, Шмидтъ неожиданно самъ оставилъ Ивердѣнъ, гдѣ не получалъ неограниченной власти, которой онъ добивался. Какъ мало было въ немъ душевнаго благородства видно изъ того, что вскорѣ онъ издалъ памфлетъ противъ Ивердѣнскаго института, подъ заглавиемъ: «Воспитательные заведенія составляющія позоръ для человѣчества». Песталоцци писалъ по этому поводу: «онъ растерзалъ мое сердце, — онъ, котораго я любилъ какъ свою душу».

Ивердѣнъ

съ 1810 по 1825 годъ.

Удалеаіе Шмидта изъ института измѣнило положеніе его далеко не къ лучшему. Оказалось, что не было двигателя, хотя и тяжелаго, часто досаждавшаго другимъ. по все-же дѣятельно заботившаго о пользахъ заведенія. Нидерерь поступилъ въ этомъ случаѣ благородно. Онъ самъ убѣждаль Шмидта воротиться. Вотъ что писалъ онъ къ нему: «И я Песталоцци готовы пожертвовать

вать всѣмъ, чтобы снова ты былъ здѣсь. Одинъ я ничего не могу сдѣлать. Ты знаешь самъ мои недостатки; но съ тобою и двумя-тремя подобныхъ людей мы въ состояніи будемъ осуществить на землѣ педагогическое небо».

Дѣйствительно, институтъ начиналъ приходить въ упадокъ. Государственный канцлеръ Пруссіи фонъ-Бейше, посѣтившій институтъ около этого времени, не смотря на все предубѣжденіе свое въ пользу Песталоцци, выразился такъ обѣ этомъ заведеніи: «Если оно продержится еще годъ, то это будетъ величайшее чудо: потому что въ преподаваніи ему не достаетъ многаго такого, что стыдно было бы не имѣть послѣдней деревенской школѣ».

Весною 1815 года Шмидтъ согласился возвратиться въ Ивердѣнъ и принялъ немедленно за реформы, особенно въ хозяйственномъ отношеніи. Съ той же минуты возобновилась скрытая вражда противъ него во всѣхъ членахъ института.

Въ Декабрѣ 1815 года скончалась 80-ти лѣтъ отъ роду супруга Песталоцци, 45 лѣтъ неразлучно дѣлившая съ нимъ его трудную жизнь. Въ день погребенія ея, вражда учителей противъ Шмидта стала явною: они подали на него письменную жалобу Песталоцци. Жалоба была подписана: Блохманомъ, Крузи, Рамзауеромъ и прочими. Мы видѣли уже, что Песталоцци обвинилъ

учителей, да и не могъ онъ сдѣлать иначе, чувствуя, что институтъ весь держится Шмидтомъ. Одинъ за другимъ стали удаляться изъ Ивердёна его прежніе помощники. «Прощай, отецъ нашъ, писалъ къ нему Крузи: прошло время, когда я могъ наслаждаться твою бесѣдою. Я долженъ оставить твое заведеніе, въ которомъ все пошло иначе, чтобы сохранить въ себѣ силы для продолженія твоего дѣла. За все, чѣмъ ты былъ для меня, и чѣмъ я могъ быть для тебя, я благодарю Бога; а въ чѣмъ я оскорбилъ тебя, прошу у Бога и у тебя прощенія». — Рамзауэръ оставилъ Ивердёнъ въ 1816 году, и вскорѣ получилъ мѣсто преподавателя математики, рисованія и гимнастики при Ихъ Высочествахъ Принцахъ Александрѣ и Петру Ольденбургскихъ. Эту должность исполнялъ онъ въ теченіе 13 лѣтъ.

Въ 1817 году и Нидереръ оставилъ институтъ. Напрасно Песталоцци старался помирить его со Шмидтомъ: это были два слишкомъ противоположные человѣка и по образованію, и по взглядамъ на вещи, и по характеру.

За нѣсколько лѣтъ до этого Нидереръ женился на начальницѣ женскаго института, который существовалъ въ Ивердѣнѣ, вблизи замка, и былъ порученъ отъ правительства надзору Песталоцци. Разставшись съ Песталоцци, Нидереръ вмѣстѣ со

свою жену занялся управлениемъ женского института, и въ тот же годъ началъ съ Песталоцци по поводу этого заведенія денежную тяжбу, длившуюся семь лѣтъ.

Получивъ въ Іюль 1817 года первое письмо Нидерера по поводу этой тяжбы, Песталоцци пришелъ въ такое неистовство, что едва не сошелъ съ ума. Шмидтъ отвезъ его на прохладный высоты Юры: тамъ только унялся нервический припадокъ Песталоцци. Скорбное состояніе души своей, ищущей покоя и видящей вокругъ одно разстройство дѣлъ, вражду и ненависть, Песталоцци излилъ въ нѣсколькихъ стихотвореніяхъ, изъ которыхъ особенно замѣчательно одно—*Къ радугѣ*.

Въ 1818 году Шмидтъ заключилъ контрактъ съ книгопродающимъ *Коттою*, для изданія всѣхъ сочиненій Песталоцци. По всей Европѣ собиралась подписка. Императоръ Александръ Благословенный подписалъ 5,000 рублей, король Пруссій—400 талеровъ, король Баварскій—700 гульденовъ. Надежды Песталоцци на новое лучшее состояніе его института снова оживились. Празднуя 73 годъ своего рождения, 12 Января 1818, онъ торжественно, въ обычной своей рѣчи ко всему дому, объявилъ, что ассигнуетъ 50,000 французскихъ ливровъ, доставленныхъ ему подпискою, на улучшеніе института.

Одно только постоянно тревожило его, это— несчастный процессъ съ Нидереромъ. Сколько разъ предлагалъ онъ Нидереру и его женѣ мировую сдѣлку для полнаго забвенія дѣла; ничто не помогало. Нидереръ, озлобленный противъ Песталоцци и въ особенности противъ Шмидта, педавтически вѣль процессъ. 1 Февраля 1823 года Песталоцци написалъ къ Нидереру еще разъ примирительное письмо, которое, по выражению Раумера, какъ алмазъ сияетъ среди этой тижеиной грязи. «Любезный Нидереръ! припомни, чего мы нѣкогда другъ отъ друга ожидали, чѣмъ мы были другъ для друга. Я желалъ бы, чтобы мы и теперь были съ тобой въ тѣхъ же отношеніяхъ. Но мы должны открыть другъ другу путь къ примиренію, каждый съ своей стороны. Такъ сдѣляемъ это безъ всякаго лукавства и козней, простимъ другъ друга отъ всего сердца, соединимся прежнею любовью и дружбою. Нидереръ! сдѣтайся, если можешь, тѣмъ самыемъ моимъ Нидереромъ, какимъ ты былъ 20 лѣтъ тому назадъ. Госпожа Нидереръ! будьте и вы для меня хотя отчасти тѣмъ же, чѣмъ вы были нѣкогда. О Нидереръ! какъ стремлюсь я душою къ тому, чтобы, примирившись взаимно, мы могли въ предстоящей праздникъ причаститься св. Таинъ, не павлекая на себя нареканія всего прихода. О Нидереръ! Это возобновленіе любви

есть единственный для нась путь къ истинной чести, къ возстановленію чести утраченной. Не думай, Нидерерь, что искусство и всѣ уловки адвокатовъ придадутъ намъ той чести, которой мы можемъ достигнуть примиреніемъ». И послѣ такого письма Нидерерь продолжалъ процессъ, пока онъ не кончился судебнымъ порядкомъ: такъ сильно было въ немъ озлобленіе!

Между тѣмъ, еще въ 1818 году, Песталоцци, не смотря на множество своихъ занятій и заботъ, задумалъ осуществить свою первоначальную мысль, столь неудачно выполненную когда-то въ Нейгофѣ,— мысль основать училище для бѣдныхъ дѣтей. Близъ Ивердона, въ мѣстечкѣ Клиндѣ, открыто было это заведеніе «для воспитанія бѣдныхъ, которые современемъ могли бы сами воспитывать и учить бѣдныхъ», какъ писалъ объ этомъ Песталоцци.

Первоначально было въ этомъ заведеніи только 12 человѣкъ; но вскорѣ Песталоцци сталъ принимать пансионеровъ, по 12 луидоровъ въ годъ, и число учащихся возрасло до 30. Принятіе пансионеровъ нарушило основной характеръ училища для бѣдныхъ. Песталоцци впалъ въ обыкновенную свою ошибку: даль преподаванію размѣры, несоответствовавшіе характеру заведенія. Такъ, напримѣрь, Англичанинъ Гриффъ, прибывшій въ 1819

году въ Ивердѣнъ, предложилъ свои услуги бесплатно учить бѣдныхъ дѣтей Англійскому языку и предложеніе его было принято. Сверхъ того вскорѣ введенъ былъ Французскій языкъ, а за нимъ и Латинскій. Въ элементарныхъ познаніяхъ ученики новаго института дѣлали, по словамъ Песталоцци, чрезмѣрные успѣхи. «Но, какъ замѣчаетъ онъ самъ, институтъ для бѣдныхъ существовалъ только по названію, а на самомъ дѣлѣ были въ моемъ завѣданіи два одинаковыя учебныя заведенія, и мнѣ пришлось соединить ихъ вмѣстѣ въ Ивердѣнѣ». Но что изъ этого вышло? самъ Песталоцци признается, что дѣти бѣдныхъ, отданые ему на воспитаніе, привыкали къ образу жизни достаточныхъ; хотѣли играть за-одно съ ними вмѣсто того, чтобы колоть дрова и возить навозъ на пашни, какъ это сначала предполагалось. Тогда Песталоцци задумалъ переселить своихъ бѣдныхъ въ Нейгофъ, котораго владѣтелемъ онъ до-сихъ-поръ оставался. Дѣти были приняты, по условію съ родителями, на пять лѣтъ.

Въ 1823 году пятилѣтній срокъ истекалъ; Песталоцци надѣялся, что многие изъ воспитанниковъ пожелаютъ послѣдовать за нимъ въ Нейгофъ и составить тамъ разсадникъ новаго учебнаго заведенія. Но онъ горько обманулся. Пріобрѣтя новые привычки и понятія, выше ихъ состоянія, они рва-

лись на волю. «Они считали для себя унизительнымъ, говорить Песталоцци, жить въ Нейгофскомъ училищѣ для бѣдныхъ». Наконецъ, когда одинъ изъ любимѣйшихъ учениковъ Песталоцци бѣжалъ изъ Ивердёна, опасаясь, что его силою возьмутъ въ Нейгофъ, это таѣь огорчило престарѣлаго воспитателя, что онъ рѣшился отказаться отъ всѣхъ своихъ занятій. 17 Марта 1824 года онъ публиковалъ о томъ, что «находитъ себя въ совершенной невозможности отвѣтствовать ожиданіямъ и надеждамъ всѣхъ друзей человѣчества, принимавшихъ сердечное участіе въ его училищѣ для бѣдныхъ».

Въ 1825 году закрытъ былъ и Ивердёнскій институтъ, существовавшій двадцать пять лѣтъ. Осъмидесятилѣтній старецъ, изнемогшій отъ заботъ и огорченій, перебѣхаль въ свой полуувѣковой Нейгофъ. «Мнѣ такъ тяжело, писалъ онъ, какъ будто я разстаюсь съ жизнью». Послѣдніе два года жизни своей въ Нейгофѣ, въ семействѣ своего внука, онъ посвятилъ воспоминаніямъ о прошедшемъ. Здѣсь написаны имъ: *Судьбы моей жизни* и *Лебединая пѣснь*. Во всемъ обвиная себя, онъ съ благодарностью говорить о своихъ сподвижникахъ и христіански прощаетъ врагамъ.

Въ Маѣ 1825 онъ былъ избранъ въ предсѣдатели Гельветическаго общества въ Шинцахъ, коего онъ былъ старѣйшимъ членомъ. Въ слѣ-

дующемъ году опять читалъ въ ученомъ обществѣ въ Бруггѣ свое разсужденіе: «О простыхъ средстvахъ домашнаго воспитанія дитяти, съ колыбели до 6-мѣсячнаго возраста». Такимъ образомъ любимая мысль о домашнемъ воспитаніи не покидала его до гроба. 21 Июля 1826 года вмѣстѣ со Шмидтомъ посѣтилъ онъ прекрасное училище Целлера въ Бейгенѣ. Дѣти встрѣтили его гимномъ и поднесли ему дубовый вѣнокъ. Онъ не принялъ его, сказавъ: «не мѣй, но непорочности пристойно это украшеніе». Когда дѣти запѣли пѣснь Гёте, помѣщеннную нѣкогда въ повѣсти: *Лингардъ и Гертрудъ*—пѣснь, где поэтъ говоритъ:

О сладостный миръ,
Приди и веслись въ моей душѣ!

Песталоцци залился слезами.

Въ теченіе своей жизни Песталоцци былъ нѣсколько разъ опасно боленъ. Въ 1806 году онъ едва не былъ раздавленъ лошадьми на большой дорогѣ, ночью. Въ 1812 году опять прокололъ себѣ слуховую перелонку вязательной иголкой, и былъ долго и опасно боленъ. Въ Февралѣ 1827 года онъ захворалъ предсмертною болѣзнью. За нѣсколько дней до смерти онъ говорилъ своимъ домашнимъ: «Я прощаю врагамъ, да живутъ они въ мирѣ, а я переселяюсь къ вѣчному миру. Я желалъ бы еще

пожить хотя мѣсяцъ, чтобы окончить мой послѣдніе труды; но все-таки благодаря Провидѣніе за то, что оно отзываетъ меня отъ земной жизни. А вы, мои близкіе, живите въ спокойствіи, ищите счастія въ тихомъ домашнемъ кругу». 17 Февраля 1827 года онъ скончался послѣ непродолжительной болѣзни, на 82 году своей жизни. Его похоронили въ мѣстечкѣ *Birr*. Не много постороннихъ присутствовало при его погребеніи: потому что въ это время выпалъ глубокій снѣгъ и нельзя было во-время извѣстить ближайшіе города о его смерти. Дѣти изъ сосѣднихъ деревень и сельскіе учителя съ пѣніемъ опустили въ могилу гробъ учителя.

Въ заключеніе приведемъ тѣ мысли, которыми оканчиваетъ Раумеръ свою статью о Песталоцци. «Кто дерзнетъ бросить на него камень? кто осмѣлитсѧ осудить его? Ему многое прощено будетъ за любовь его многую.

«Да, вся многотрудная жизнь его проникнута была любовью, страстнымъ желаніемъ помочь человѣчеству, направляя и образуя его духовныя силы. Эта пламенная любовь возжигала въ его сердцѣ неудержимый гнѣвъ противъ всѣхъ, кто препятствовалъ стремленію всей его жизни.

«Правда, онъ самъ чаше всего себѣ вредиль. Но у одного лишь Бога и разумѣніе и дѣло соединены вмѣстѣ; у людей же или дѣло безъ разумѣнія, или разумѣніе безъ дѣла. Вотъ отчего, какъ мы уже видѣли, Несталоцци, при самомъ ясномъ познаніи людей, часто не умѣль ни управлять ими, ни обходиться съ ними; при самомъ отчетливомъ сознаніи своихъ цѣлей, не умѣль найти пути къ этимъ цѣлямъ, и часто шелъ именно противоположными путями. Никто менѣе его не былъ способенъ довольствоваться тихою домашнею жизнью; а между тѣмъ никто болѣе его не стремился къ ней, никто выше его не цѣнилъ ее.

«Описаніе хозяйства Гертруды доказываетъ между прочимъ, что поэтъ можетъ хорошо описывать не только то, чѣмъ онъ обладаетъ, но и то, чего ему не достаетъ и къ чему онъ именно вслѣдствіе этого такъ сильно стремится.

«Большую часть жизни провелъ онъ въ бѣдности, и потому, если постоянно сочувствовалъ онъ бѣднымъ, то сочувствовалъ искренно, по опыту. Но въ дни своего счастія онъ остался также цинически небреженъ въ своей внѣшности, какимъ былъ въ дни горя, — съ тою лишь разницей, что прежде это было по нуждѣ, теперь по принципу. Тѣлесному цинизму соответствовала въ немъ, не скажу нищета духовная, но назову духовнымъ ци-

низомъ эту нелюбовь къ аристократіи просвѣщенія. А между тѣмъ, такъ какъ вообще его характеръ былъ исполненъ противорѣчій, то онъ чувствовалъ въ себѣ призваніе положить, вместо старой, новую основу этому высокому зданію просвѣщенія. Онъ хотѣлъ поддержать верхній этажъ зданія, не заботясь объ этомъ верхнемъ этажѣ. Вѣдь хвалился же онъ, что въ теченіе 30 лѣтъ не прочиталъ ни одной книги.

«Вотъ почему, какъ я уже упоминалъ, впадалъ онъ въ столь многія, свойственные автодидактамъ ошибки. Ему не доставало исторической основы: что другие знали давнымъ давно, то казалось ему новымъ, если приходило на мысль ему или кому-либо изъ его учителей. Оттого онъ часто трудился надъ придумываніемъ того, что другими давно было придумано, и что онъ самъ давно могъ бы примѣнить къ дѣлу, еслибы сколько-нибудь интересовался дѣятельностью другихъ. Такъ, напримѣръ, превосходная книга Вернера о минералогическихъ признакахъ весьма могла бы пригодиться ему въ его воззрительной и опредѣлительной методѣ. А онъ, какъ самоучка, ограничивался тѣмъ, что собиралъ на прогулкахъ камни. Но разсмотрѣніе одного камня дало бы ему больше познаній, нежели собраніе ихъ въ груды, еслибы онъ хорошо ознакомился съ ученіями напримѣръ Фрейбергской школы. Школы, гово-

рю я, не достаетъ самоучкамъ. Мало того, что они въ умственной области только послѣ долгихъ блужданій доходить до того, до чего другіе дошли прямымъ путемъ; нѣтъ, въ нравственномъ отношеніи школа принесла бы имъ ту пользу, что удержала бы ихъ отъ произвола, отъ прихотей, отъ умственнаго лакомства, заставила бы ихъ строже держаться прямаго пути, а не забѣгать по прихоти въ сторону.

Многіе опасаются, что чуткія самородныя дарованія самоучекъ могутъ пострадать отъ вліянія школы. Если это дарованія истинныя и школа тоже истинная школа, то дарованія въ ней окрѣпнутъ: что было инстинктомъ, то сдѣлается сознательнымъ творчествомъ.

Этотъ автодидактическій характеръ проявляется во многихъ учебникахъ Песталоцци. Чѣмъ значать эти имена городовъ, выписанныя изъ оглавленія какой-нибудь географіи безъ всякаго знанія дѣла; чѣмъ значить эта масса словъ, выписанныхъ изъ Шеллерова лексикона, какъ не попытки человѣка малоучившагося ощупью найти новый путь, составить по новому способу руководство.

Но случается, что и самоучка, покинувъ всѣ избитые пути и долго блуждавъ по сторонамъ ихъ, нападаетъ на истинный, кратчайшій путь, неизвѣстный дотолѣ специалистамъ, и потому принимаетъ

мый ими съ радостью. Такого рода вліяніе имѣль и Песталоцци на своихъ противниковъ.

Особенно сильное вліяніе имѣль онъ на педагогію не потому, что открылъ тѣ или другіе новые пріемы въ преподаваніи отдельной какой-либо науки, но потому, что заставилъ педагоговъ снова вникнуть въ свою задачу, вновь пересмотрѣть вопросы о назначеніи человѣка и вновь подумать о средствахъ, какъ доводить его до этого назначенія. И эти вопросы возбуждали онъ не такъ поверхностно и раціоналистически, какъ наприм. Базедовъ и его послѣдователи, а глубокомысленно, такъ что Фихте предвидѣлъ отъ его дѣятельности великия послѣдствія.

Жаль, что именно практическія попытки Песталоцци и его учениковъ примѣнить новую методу къ разнымъ наукамъ нашли у насъ всего болѣе подражателей. Еслибы лучше вникли въ глубокія основанія Песталоцци, то яснѣе увидѣли бы, какъ его метода противорѣчить этимъ основаніямъ, и потому для примѣненія ихъ къ воспитанію извѣрное давно нашли бы пути и проще и вѣрнѣе. Но большая часть подражателей устремилась именно на темную сторону Песталоцци, ухватилась за его *механизацію обучения* (*méchaniser l'instruction*). Но когда эта механизация, эти споровки и пріемы, съ ихъ разнообразными позднѣйшими усовершен-

ствованіями вполнѣ исчезнутъ въ преподаваніи, и тогда еще будуть жить и дѣйствовать на сердца людей его «Лингардъ и Гертруда», «Вечерній часъ отшельника» и «Какъ Гертруда учитъ дѣтей», хотя и въ нихъ, какъ во всякомъ человѣческомъ дѣлѣ, есть свои недостатки. Но въ нихъ есть и достоинства, которые никогда не исчезнутъ. Глубокія мысли, порожденныя святою любовью къ человѣчеству въ минуты скорби, вѣчны, какъ сама любовь».

Сообщимъ въ заключеніе перечень сочиненій Песталоцци и сочиненій, изданныхъ его сотрудниками, подъ его руководствомъ.

Полное собраніе сочиненій Песталоцци, изданное въ 15 частяхъ, Коттою въ Тюбингенѣ (1819—1826 году), заключаетъ въ себѣ слѣдующее:

- а) Лингардъ и Гертруда — 1—4 части.
- б) Какъ Гертруда учитъ дѣтей своихъ — 5-я часть.
- с) Къ непорочности и благородству моего отечества — 6-я часть.
- д) Мои изслѣдованія о ходѣ развитія человѣчества — 7-я часть.
- е) О законодательствѣ противъ дѣтоубийства — части 7 и 8-я.
- ж) Идея элементарного обученія. Рѣчь, сказанная въ Ленцбургѣ, — часть 8-я.

- g) Письмо Песталоцци къ одному изъ своихъ друзей о пребываніи своеемъ въ Станцѣ — часть 9-я.
- h) Взглядъ на промышленность, воспитаніе и политику — часть 9-я.
- i) Рѣчъ къ моему дому, сказанныя 12 Января 1818 г., часть 9-я.
- k) Рисунки къ моей азбукѣ (басни) — часть 10-я.
- l) Взглядъ и опыты, касающіеся идеи элементарного обученія, — часть 11-я.
- m) Основанія и планъ предполагавшагося въ 1807 году periodического изданія — часть 11-я.
- n) Отчетъ родителямъ и публике о состояніи института Песталоцци въ 1807 году — часть 11-я.
- o) Слово о моихъ педагогическихъ стремленіяхъ и объ устройствѣ моего института въ 1820 г. — часть 11-я.
- p) Нѣсколько рѣчей къ моему дому, произнесенныхъ въ 1808, 9, 10, 11 и 12 годахъ — часть 11-я.
- q) Христофоръ и Эльса — часть 12-я.
- r) Лебединая пѣснь Песталоцци — часть 13-я.
- s) Ученіе о чиcль и формѣ — часть 14-я.
- t) Ученіе о формѣ и величинѣ — часть 15-я.
- u) Рѣчъ, произнесенная въ Лангенталь 26 Апрѣля 1826 года, ч. 15-я.

Гейслеръ, одинъ изъ біографовъ Песталоцци, замѣчаетъ: во-1-хъ, что въ «Полномъ собраніи сочиненій» его пропущены слѣдующія сочиненія:

- a) Спартанское законодательство (первое сочиненіе Песталоцци).
- b) Вечерній часъ отшельника.
- c) Статьи, помѣщенные Песталоцци въ *Швейцарскомъ Листкѣ*, въ 1782 и 83 годахъ.
- d) Элементарные учебники Песталоцци, въ особенности имъ самимъ написанная *Книга для матерей*. (Изданная 1803 въ Тюбингенѣ). *Воззрительное учение о измѣреніяхъ* и *Воззрительное учение о числахъ*, составленныя Крузи, столь же важныя для оцѣнки дѣятельности Песталоцци, какъ и *Ученія о числѣ, формѣ и величинѣ*, изложенные Шмидтомъ и помѣщенные въ 14 и 15 частяхъ полнаго собр. соч. Песталоцци.
- e) Взглядъ на предметы, на которые Швейцарское законодательство должно обратить особенное вниманіе. Изд. въ Бернѣ 1802 г.
- f) Судьбы моей жизни во время управлениія институтами въ Бургдорфѣ и въ Ивердѣнѣ. Лейпцигъ, 1826.
- g) Домашнее обученіе дѣтей. (Въ ежемѣсячномъ изданіи Росселя).
- h) Педагогическія предпріятія Песталоцци въ отношеніи ихъ къ современной образованности.

(Сочинение Нидерера), 1812 г. Здесь помещено письмо Песталоцци къ Нидереру.

i) Объяснение на три дюжины вопросовъ, предложенныхъ газетою Бреми. Ивердёнъ 1812 г.

Во-2-хъ, что въ полномъ собраніи сочиненій Песталоцци разсказъ *Линнардъ и Гертруда* искажень позднѣйшими вставками, сдѣланными хотя и самимъ Песталоцци, но уже подъ влияніемъ другихъ взглядовъ и жизненныхъ отношеній.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	Стр.
I. Юность Песталоцци	3
II. Экономические и педагогические поиски въ Нейгофѣ	22
III. Литературная дѣятельность Песталоцци	28
IV. Песталоцци въ Стансѣ	44
V. Новая дѣятельность Песталоцци въ Бургдорфѣ	62
VI. Европейская известность Ивердёнского института	104

ОПЕЧАТКИ.

<i>Стр.</i>	<i>Строка сверху.</i>	<i>Напечатано.</i>	<i>Читай.</i>
20	17	Гольце	Гольце
65	2	свойе	свой
85	1	довлетворенъ	удовлетворенъ
110	1	бонатиризоватъ	ботанизировать
128	9	проходилось	приходилось
136	17	Пасталоции	Песталопци
146	25	méchaniser	mécaniser